

Алексей Корепанов

**ТАЙНЫ
ДРЕВНЕГО ЛИКА**

Алексей Корепанов
Тайны Древнего Лица

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Корепанов А. Я.

Тайны Древнего Лица / А. Я. Корепанов — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Космос всегда притягивал внимание человечества своими тайнами и загадками. Более всего интересен людям был Марс, как находящаяся в непосредственной близости к нам планета. Названный в честь бога войны, он становился объектом воздыхания поэтов, ученых, мечтателей... Никто не сомневался в наличии жизни на Марсе. И вот в один прекрасный момент эта «жизнь» повлияла на судьбу всего человечества, но не совсем так, как того хотели сами земляне... Планета Марс настойчиво скрывала свои тайны, и те, кто желал заглянуть за ширму этих тайн, даже представить себе не могли, чем обернется для каждого из них это проникновение. Может, было бы лучше, если бы мы никогда не знали о существовании Красной планеты...

© Корепанов А. Я.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Часть первая. Тени Марса	5
1	5
2	10
3	13
4	18
5	22
6	25
7	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Алексей Корепанов

Тайны Древнего Лика

Часть первая. Тени Марса

1

Этим ранним июльским утром 1969 года у Дэна Келли было достаточно поводов для хорошего настроения. Во-первых, выехав ночью из Уолсолла, он без каких-либо проблем к рассвету почти добрался до пункта назначения – шоссе в начале понедельника было пустынно, а подержанный «вокхолл» совершенно не капризничал. Во-вторых, синоптики не соврали: начавшийся еще с вечера дождь и не думал прекращаться, а значит, там, куда направлялся Дэн Келли, не должно быть многолюдно. Ну, и в-третьих, «Бирмингем» вчера победил – и это тоже было здорово.

Шоссе мокро блестело в свете фар. Дэн Келли особенно не разгонялся, потому что был по натуре осторожным человеком, да и не спешил никуда – объект его теперешнего интереса не мог убежать или исчезнуть. Правой рукой Келли держал руль, левой – сигарету. Изредка делая короткие затяжки, он немного фальшиво подсвистывал Полу Маккартни, певшему в радиоприемнике в сопровождении остальных участников «ливерпульской четверки».

Дэну Келли было сорок три года, он на пару с женой владел небольшим магазином дамского белья в Уолсолле, довольно удачно играл на скачках и основной своей жизненной заслугой, кроме организации собственного бизнеса, считал сопричастность к появлению на свет божий сына и дочери. Роберт заканчивал колледж, а девятилетняя Лиз училась в школе. Жизнь Дэна Келли текла вполне размеренно, со своими радостями и огорчениями. Но радостей было гораздо больше, и если и поминался недобрым словом при просмотре вечерней программы новостей премьер Вильсон, то, скорее, по привычке, чем по необходимости. На то он и премьер-министр, на то оно и правительство, чтобы было кого ругать.

Работа, праздничные вечеринки, скачки, выезды за город на уик-энд... Поездки в Бирмингем, и в Лондон, и в Брайтон, и за Английский канал¹, на континент – в Париж, Руан и Брюссель... И музеи, и кафе, и пляжи...

В общем, Келли не жаловался на жизнь. Но прошлым летом испытал потрясение... Да, он считал случившееся потрясением и до сих пор не мог разобраться в себе, до сих пор не мог понять: хорошо это или плохо? Или тут и вовсе не подходили однозначные оценки?...

Прошлым летом супруги Келли, взяв с собой сына, посетили Стоунхендж. Дочка проводила каникулы у бабушки с дедушкой в Восточном Сассексе. Тот день навсегда отпечатался в памяти Дэна. Он бродил среди огромных камней и чувствовал, как что-то никогда доселе неиспытанное вливается в его душу. От древних мегалитов словно исходило какое-то излучение, он ощущал далекий властный зов, и сам становился камнем, но не мертвым, а живым, таким же, как возвышавшиеся вокруг исполины... Сын, который явно маялся на этой экскурсии, вывел его из оцепенения, и странное, совершенно непривычное состояние прошло.

Но не забылось.

Дэн никогда не был склонен к романтике, к поэзии, но сравнение в тот момент пришло на ум как бы само собой: здесь, посреди равнины Солсбери, его душа ощутила прикосновение, подобное прикосновению ангельского крыла... Это был знак... Некие запредельные сущности

¹ Пролив Ла-Манш. (Здесь и далее – примечания автора.)

давали ему понять: он, Дэн Келли, способен воспринять сигналы неведомого, он гораздо более глубок и утончен, чем кажется другим и чем думает о себе сам... Какая-то невидимая сторона его существа повернута к *иному*...

Он ничего не сказал об этом запредельном прикосновении ни жене, ни сыну – впрочем, они даже не заметили его странного состояния. Вокруг бродили группы туристов, щелкали фотоаппараты, хныкали маленькие дети. И камни уже не казались какими-то особенными...

Его жизнь продолжала идти своим чередом – завоз товара, квартальные скидки, плохо идут закрытые бюстгальтеры, срочно приобрести еще партию кружевных трусиков, сиреневые комбинации вышли из моды, поставщик всучил бракованные чулки... Пиво, телевизор, скачки, вечеринки... Шоссе дней, недель и месяцев тянулось в будущее, делая неопасные повороты и то взбираясь на пригорки, то сползая под уклон, – но теперь от этого привычного шоссе ответвлялась странная узкая проселочная дорога. Она шла параллельным курсом, нигде не пересекаясь с шоссе, и была скрыта деревьями и густым кустарником.

В течение нескольких месяцев Келли один за другим перечитал все материалы о Стоунхендже, которые отыскивались по каталогу городской публичной библиотеки. И теперь многое знал об этом циклопическом сооружении былых веков. Он вовсе не превратился в фанатика этого кромлеха², он по-прежнему азартно болел за футбольный клуб «Бирмингем», ходил на скачки и не пропускал трансляций боксерских поединков – Стоунхендж и «Бирмингем» лежали в разных плоскостях и совершенно не мешали друг другу. Стоунхендж стал для него как бы символом того, что в мире есть вещи, не поддающиеся простым бухгалтерским расчетам и вообще сухой цифири.

Он читал материалы о древнем сооружении как некое откровение, с таким же интересом, с каким в детстве проглатывал рассказы Артура Конан Дойла.

Стоунхендж... Средоточие системы концентрических окружностей диаметром с футбольное поле – каменные площадки, лунки, огромные камни, земляные валы... В самом центре сооружения – пять трилитонов, сдвоенных каменных блоков высотой с четырехэтажный дом, накрытых тяжелыми плитами. Семиметровые камни, «серые бараны» из песчаника – Сарсеновое кольцо, – со всех сторон охватывают этот комплекс трилитонов.

Предания говорили о живших когда-то, до Потопа, гигантах – они-то и построили Стоунхендж. Древние британцы называли его «Пляска Великанов». По другой легенде, эти камни при помощи волшебства перенес на равнину Солсбери, в Уилтшир, из Ирландии великий чародей Мерлин. Были и предположения о том, что Стоунхендж построили друиды, жрецы древних кельтов. Или римляне. Или викинги. Или и вовсе пришельцы из космоса...

А астроном Джералд Хокинс доказал, что Стоунхендж – это древнейшая обсерватория, позволяющая производить астрономические наблюдения с высокой точностью. Его выпущенную четыре года назад, в 1965-м, книгу «Разгадка Стоунхенджа» Дэн зачитал чуть ли не до дыр...

Келли не просто верил в необычность Стоунхенджа – он ощутил эту необычность на себе.

Миновали и осень, и зима, и весна, но он не испытывал потребности вновь побывать в том странном месте. Ему хватало воспоминаний. Правда, был соблазн поехать туда в день летнего солнцестояния, чтобы увидеть восход солнца над Пяточным камнем, – однако мысль о толпах любопытствующих, которые повалят в Стоунхендж, погасила этот порыв.

А через две недели он внезапно, проснувшись среди ночи, понял, что непременно должен в самое ближайшее время побывать среди величественных камней. Ранним утром, в дождливую погоду, когда там будет безлюдно. Подпитаться неведомой энергией. Вновь ощутить прикосновение крыльев. Это почему-то казалось Келли самым важным сейчас.

² Древнее сооружение, представляющее собой несколько поставленных вертикально в землю обработанных или необработанных продолговатых камней (менгиров).

Хотя каких-то особых тайн от жены у него никогда не было, он не стал говорить о том, что собирается именно в Стоунхендж. Нет, он сказал, что едет в Солсбери. Всего лишь на один день. По делам – есть, мол, кое-какие наметки.

Вот почему Дэн Келли встречал едва проклюнувшееся утро не в собственной постели, а за рулем «вокхолла», который катил по мокрому шоссе в сторону древних камней...

В этот ранний час на стоянке не было ни одного автомобиля, и людей ни поблизости, ни вдали тоже не наблюдалось. Зеленые поля, разделенные едва заметными изгородями, тянулись к обрамленному лесом горизонту, и вдалеке, за развилкой шоссе, на плоской возвышенности, темнели неподвижные силуэты каменных исполинов. Келли заглушил мотор, выключил радио и еще с минуту посидел, докуривая сигарету и слушая, как стучит над головой дождь – словно стайка кур торопливо и неустанно клюет зерно. Потом глянул в зеркальце над ветровым стеклом и подмигнул своему отражению – благообразному сухощавому джентльмену с узким, четким, вполне подходящим для монеты лицом и уложенными в аккуратную прическу жесткими темными волосами. Дэн втайне гордился своей весьма аристократической внешностью и считал, что похож на Шерлока Холмса.

Он не отказался бы сейчас от чашки кофе – хотя и без кофе, несмотря на ночную поездку, сна не было ни в одном глазу. Дождевые струйки стекали по стеклам автомобиля, и, подобно этим струйкам, вливалось в душу некое предчувствие. Даже еще не вступив внутрь древних кругов, Келли уже ощущал их присутствие. Мир вокруг неуловимо менялся, и в унисон с этим преобразованием менялось и внутреннее состояние приехавшего из Уолсолла вполне благополучного человека.

...Робкому утру удалось выклянчить еще немного света у прижимистой ночи, пространство раздвинулось, и теперь уже можно было с уверенностью сказать, что новый день непременно состоится. Облаченный в длиннополый плащ с капюшоном, Дэн Келли осторожно шел по раскисшей дороге, лавируя среди луж и то и дело останавливаясь на обочине, чтобы вытереть о траву налипшую на подошвы грязь. Дождь как будто бы чуть притих, и впереди, на фоне утреннего неба, еще более четко виднелись огромные камни – как пальцы, настойчиво указывающие путь в заоблачные просторы, в иные края...

Невольно задерживая дыхание и совсем сбавив шаг, Келли вступил на территорию древнего строения. Хотя дождь шуршал по ткани плаща, Келли сразу же почувствовал какую-то невероятную, поразительную тишину, тишину не только внешнюю, но и внутреннюю. Тишина была главным содержанием этой обители каменных исполинов и, как и космический вакуум, порождающий частицы вещества, способна была в любой момент исторгнуть из себя нечто необычное. Тишина и одиночество властно охватывали его, единственное живое существо в зачарованном каменном королевстве; черные птицы, которых так много было тут в прошлый раз, еще не слетелись. Тишина и одиночество проникали все глубже и глубже – и это было прекрасно. Он вновь, как и десять месяцев назад, погружался в упоительную умиротворенность, он чувствовал, как просыпаются камни, и в монотонный шелест дождя вплетался приближающийся шелест нездешних крыльев. Дэн Келли застывшим взглядом смотрел на возвышающуюся напротив него каменную арку и видел, как над темной поверхностью верхней, поперечной, плиты словно бы начинает возникать слабое-слабое сияние, подобное пламени далекой свечи в солнечный день. Он невольно моргнул – и почти тут же зажмурился от ослепительной беззвучной вспышки. Волна теплого воздуха плеснула в лицо и умчалась дальше, перед глазами заплясали огненные пятна. Дэн запоздало пригнулся, собираясь упасть, но вспышка не повторилась и камни не рушились, а оставались на своих местах.

«Взрыв?... Шаровая молния?...» – это было первое, что пришло ему в голову.

Войну он помнил – такое не забывается – и предположение насчет взрыва отбросил сразу: не бывает таких бесшумных взрывов. А о том, как ведут себя шаровые молнии, он мало что

знал. Пока Келли было понятно одно: полыхнул не сам вертикально стоящий, правый от него, камень трилитона, а что-то позади камня.

Он зачем-то оглянулся, никого за спиной не обнаружил и, крадучись, направился к трилитону. Пятна перед глазами исчезли, и бледное сияние, охватывавшее плиту, – тоже. Растворилось и чувство тишины-одиночества, пропало ощущение сопричастности, и утих шелест невидимых крыльев. Остался только размеренный шорох дождя.

Под этот шорох Келли короткими шагами приблизился к трилитону и, обогнув боковой вертикально стоящий камень, осторожно выглянул из-за него.

И остолбенел, неподвижностью своей сравнившись с любым из здешних камней.

В трех-четыре шагах от него, под боком у вертикальной плиты, лежала на спине молодая женщина без каких-либо даже самых малейших признаков одежды. Одна нога женщины была поднята и согнута в колене, словно незнакомка читала невидимую книгу, используя в качестве подставки собственное бедро. Правая рука покоилась на груди, а левая была откинута в сторону.

Дэн Келли, почти не дыша и все еще не в состоянии сдвинуться с места, скользнул взглядом по стройному крепкому женскому телу. Светлые, скорее короткие, чем длинные волосы... Закрытые глаза... Ссадины на плечах, на локте, на лбу, на коленях... Испачканная чем-то серым ладонь...

В следующее мгновение Келли осознал, что смотрит на труп: перед ним лежала жертва преступления. Нужно было оставить все как есть и ехать на поиски ближайшего телефона, чтобы сообщить в полицию. Однако он почти тут же понял, что поспешил с выводами – под тонкой кожей век женщины совершали прерывистые движения глазные яблоки. Что бы тут ни случилось, она была жива и нуждалась в срочной медицинской помощи!

Оцепенение мигом исчезло, и Келли бросился спасать человека. Стянув с себя плащ, он разложил его на каменной площадке и перетащил туда потерпевшую. Ее кожа была мокрой, но теплой, словно и не пролежала она тут всю ночь под хотя и не очень сильным, но непрерывным дождем. Или преступление было совершено совсем недавно? Келли быстро осмотрелся – и вновь никого не обнаружил. А с чего он взял, что перед ним именно жертва преступления?...

Думать об этом сейчас было не самым первостепенным занятием, поэтому Келли придержал проснувшегося в нем Шерлока Холмса. Он укутал женщину в плащ и прикрыл ей голову капюшоном. Поднял свою ношу и, держа перед собой, направился назад, через кольцо «серых баранов», к выходу из скопления каменных исполинов. Идти было тяжело, ноша оттягивала руки, и Келли почти сразу засомневался в том, что сумеет добраться до своей машины без остановок – он уже сейчас начал задыхаться. Но поблажек себе Келли давать не собирался, потому что от его расторопности, возможно, зависела жизнь человека. Жизнь молодой симпатичной женщины, неведомо как очутившейся здесь... Избили, изнасиловали, привезли сюда и бросили?...

Что-то в этой версии не стыковалось, только Келли не мог понять, что именно.

Изрядно промокнув, он выбрался на туристическую тропу, размытую дождем. Серое утро смогло-таки окончательно справиться с ночной темнотой, и отсюда, с возвышенности, хорошо просматривались оба шоссе, сходящиеся под углом. Дороги были абсолютно пустынные, и лишь одинокий серый «вокхолл» виднелся у ближнего края зеленого поля.

Руки все больше ослабевали, Келли изнемогал. Он не обращал уже внимания на то, куда ступает, и туфли его отяжелели от грязи. Совсем запыхавшись, он наконец остановился. Собрался с силами, изловчился – и взвалил безвольное тело себе на плечо. Голова и плечи женщины оказались у него за спиной, обеими руками он обхватил ее ноги – и так идти стало легче. Он прибавил было шагу, но тут же поскользнулся и едва не упал. И решил не спешить: не хватало еще, чтобы по его вине эта несчастная получила новые увечья.

Об оставшихся позади каменных исполинах, к неведомой силе которых ему в этот раз так и не удалось приобщиться, Келли уже не думал. Он мысленно прикидывал расстояние до автомобиля и на ходу поправлял так и норовившее съехать с его плеча расслабленное тело женщины. А чтобы не заикливаться на собственной усталости, Келли представил, как выглядит со стороны: субъект в мокрой рубашке тащит к машине нечто очень похожее на труп... Подозрительная получалась картина, – но вокруг не было никаких посторонних глаз: и птицы где-то прятались от дождя, и не видно было овец на полях.

«Да уж лучше бы кто-нибудь увидел, – тут же подумал он. – Вместе быстрее бы дотащили...»

Наконец Келли добрал до автомобиля. Мобилизовав остаток сил, он уложил потерпевшую на заднее сиденье и, раздвинув борта плаща, взял ее руку и попытался отыскать пульс. Кожа на костяшках пальцев женщины была сбита, что наводило на мысль о самообороне, а пульс хоть и едва прощупывался, но был ровным и не затухающим. Келли плохо разбирался в таких вещах, но все-таки счел это хорошим симптомом: пострадавшая, кажется, не собиралась умирать. Ее бледное лицо было спокойным, только глаза под веками, покрытыми легкими разводами морщинок, продолжали подергиваться – как бывает, когда человеку что-то снится.

«Возможно, она угодила под разряд шаровой молнии, – подумал Келли. – Если та вспышка действительно была шаровой молнией... Попробовать привести ее в чувство? Потормошить?...»

Впрочем, он тут же решил, что пусть лучше этим занимаются врачи, а то еще сделает что-нибудь не так...

Сев за руль, Келли начал разворачивать машину в сторону недалекого Солсбери. На величественный древний кромлех он напоследок так и не взглянул...

2

Дверь приемного покоя открылась, и в коридор вышла медсестра. Это была та самая пожилая костлявая особа в больших очках, которая минут двадцать назад впустила Дэна Келли в больничный корпус. Он поднялся со стула.

– Все в порядке, – сказала медсестра, остановившись в отдалении и исподлобья глядя на него из-под очков. – Ее уже осмотрели и перевезли в процедурную.

– Что с ней?

Медсестра пожала плечами:

– Обследование покажет. Возможно, сотрясение мозга. Ну, и ребра сломаны – это уж точно. Кроме гематом.

– Понятно, – сказал Келли. Он чувствовал себя не очень уютно под ее пронзительным и, кажется, неприязненным взглядом. – Тогда я в полицейский участок, расскажу... Как туда добраться?

– Не беспокойтесь, – проскрипела медсестра; халат ее был похож на саван. – Полиция уже здесь.

Она повела головой в сторону окна и поджала бескровные губы египетской мумии. Келли сделал несколько шагов к готическому застекленному проему в толстой стене, увидел вдали двух полисменов в плащах, неторопливо входящих в ворота больницы, и почувствовал себя еще более неуютно. Эта старая гримза, похоже, не очень-то поверила его сбивчивому рассказу. А поверят ли бобби³, которых, конечно же, она и вызвала? А если задержат до выяснения? Не слишком большая радость бог весть сколько торчать за решеткой...

Достав из кармана бумажник, он подошел к продолжающей молча наблюдать за ним служительнице медицины. Извлек визитную карточку и протянул ей:

– Там указаны мое имя и адрес. Случится быть в Уолсолле – заходите в мой магазин, у нас неплохой выбор дамских аксессуаров. – Келли даже улыбнулся, хотя настроение у него было не самым радужным. – И еще... Нельзя ли забрать мой плащ?

– Да, конечно. – Скрипа в голосе поубавилось, и визитка была принята и сразу же изучена. – Конечно, мистер Келли. Сейчас.

Она удалилась и почти тут же вернулась с плащом.

– Спасибо, что позаботились о полиции, – забрав его, вежливо сказал Келли.

И услышал в ответ, уже направляясь к выходу:

– Это наша обязанность, мистер Келли.

Вероятно, полицейский участок находился неподалеку от больницы, поскольку блюстители порядка пришли пешком. Молодой остался, чтобы выяснить у врачей, когда можно будет рассчитывать на показания потерпевшей, а второй, рыжеусый констебль лет тридцати, с мощной фигурой регбиста, предложил Келли вместе проехать в участок и там все подробно рассказать.

Да, совсем не таким, как хотелось бы Келли, выходило у него это утро седьмого июля. Видать, действительно есть резон в утверждении о том, что понедельник – день тяжелый...

Впрочем, комната, в которую констебль привел Келли, показалась тому вполне сносной, несмотря на оконные решетки. Там было тепло и сухо, и главное – на стене рядом с высоким массивным сейфом висел вымпел с сине-белой эмблемой клуба «Бирмингем»: футбольный мяч с водруженным на него такого же размера глобусом, перевитые ленточкой.

Констебль, покашливая в усы, изучил документы Келли и, забрав их, куда-то удалился. А потом отстучал на машинке весь его рассказ, то и дело отрывая от клавиш покрытые рыжими

³ Прозвище английских полицейских.

волосками массивные пальцы и уточняя детали. И попутно задавая такие вопросы, которые Келли никогда бы не пришли в голову. В отличие от больничной мумии, констебль, кажется, не записывал его с ходу в преступники, а если даже и имел подозрения, то не показывал виду. Хотя как можно считать преступником человека, по собственной воле доставившего свою жертву в больницу... Да еще и дождавшегося появления полиции.

– И что вы думаете по этому поводу, констебль? – спросил Келли, прочитав собственные показания.

Констебль повел широкими плечами, потер шею.

– Какие-то выводы делать рановато. Есть тут у нас местные... друиды... – Последнее слово прозвучало, как ругательство.

– Что-то типа сатанистов? – осторожно поинтересовался Келли.

– Вот-вот, типа... – покивал констебль. – Съездим на место происшествия, посмотрим. – Он глянул в окно. – Хотя дождь – какие там следы... Будем надеяться, что она придет в сознание и расскажет. Если вспомнит. Могли ведь так накачать... или сама накачалась... И сколько она там пролежала?...

– Вот! – сообразил наконец Келли. – Когда я ее нашел, волосы у нее были сухие.

Констебль подался вперед, и стул под ним страдальчески скрипнул.

– Вы уверены?

– Точно! – возбужденно подтвердил Келли. – Ну, то есть дождь на них лил, но они еще не успели промокнуть. Кожа мокрая, лицо мокрое, а волосы – нет. До меня только сейчас дошло, я все никак не мог понять... Что-то не увязывалось...

Констебль откинулся на спинку вновь обреченно заскрипевшего стула и сцепил руки на животе.

– Плохо, – сказал он. – Вы там, часом, вертолет какой-нибудь не заметили?

– Нет. Ничего там не было и никого. Ни единой живой души.

– Плохо, – повторил констебль и, поворотив пальцем усы, остро взглянул на Келли. – А вы трогали?

Келли почувствовал, что краснеет – щекам стало жарко.

– Что... трогал? – с запинкой выговорил он.

– Волосы ее трогали?

– А... Э... Нет, не трогал... Но видно было, понимаете?

– Могли и ошибиться. – Констебль навалился грудью на стол и, четко выговаривая слова, повторил: – Могли и ошибиться.

Келли промолчал. В конце концов, не его это дело. Он доставил пострадавшую в больницу – вот что самое главное. А в причинах пусть разбирается полиция, мясистые констебли с сержантами. Пусть выясняют, им за это деньги платят. А ему никто и спасибо не сказал.

– И кожа у нее была теплая, – неожиданно для самого себя чуть ли не с вызовом заявил он. – А кожу я трогал. И очень даже трогал, – когда блондинку эту на плащ укладывал.

– Жар, – тут же нашелся констебль.

– А вспышка?

– Атмосферное электричество. Или какие-нибудь световые эффекты.

– Возможно, – уже без эмоций согласился Келли. – У вас больше нет ко мне вопросов? Я свободен?

– Еще несколько минут – и можете заниматься своими делами, мистер Келли.

«Проверяют мою личность», – подумал Дэн.

– Координаты ваши у нас есть, – продолжал констебль, – так что если возникнет необходимость... Еще побудете у нас, в Солсбери, или сразу домой?

– Домой, наверное. Сегодня меня к вашим мегалитам как-то больше не тянет...

– А меня вообще к ним никогда не тянет, – сообщил констебль, придвигая к себе лежавшие на столе папки. – Мало ли где каких камней понатыкано. Да хоть и в Эйвбери. Или в Вудхендже – тут же, у нас, в Уилтшире. Так в Эйвбери и Вудхендж не едут, а сюда... – Он взглянул на Келли: – Ехать ночью, в дождь, бог знает откуда... Специально ехать, именно ради этих камней. – Он помотал головой. – Нет, не понимаю...

– У каждого свои увлечения, – сдержанно заметил Келли. – Люди по полмира пролетают-проезжают, чтобы на пирамиды посмотреть. Или на Парфенон.

– Так то пирамиды! А у нас тут ни то ни сё – куча булыжников. Кто-то когда-то дурью маялся, чтобы через тысячу лет голову ломали: что это да зачем?... Хотя согласен с вами: у каждого свои увлечения. Чтобы жить было интереснее.

Дверь открылась, и на пороге возник его молодой напарник, уже без плаща.

– Давай, Рон, заходи, рассказывай. Ты возвращался через Лутон или через Брайтон? Делал крюк за сигаретами?

Как выяснилось из последовавшего за этими вопросами пространного ответа, молодой бобби с простодушно-хитроватым лицом потомка йоменов⁴ вовсе не делал крюк через Лутон или Брайтон. И через Лондон тоже не делал, а все это время проторчал в больнице, ожидая, что поведают ему медицинские работники о состоянии потерпевшей. Дождаться-то он дождался, но ничего обнадеживающего не услышал. Женщина продолжала оставаться без сознания, и ни о каких расспросах, само собой разумеется, не могло быть и речи. Что же касается обстоятельств, волею которых потерпевшая оказалась в Стоунхендже, то можно было выдвинуть сразу несколько версий...

Тут зазвонил телефон, заставив его прервать монолог, и рыжеусый поднял трубку. Он слушал и кивал, и глядел на Келли – и тот понял, что речь идет именно о нем.

Так и оказалось.

– Ну что, мистер Келли, – сказал рыжеусый, вернув телефонную трубку на место. – Не смею вас больше задерживать.

Он встал, обогнул стол и подошел к Дэну, тоже поднявшемуся со стула. Одернул свой слегка помятый мундир.

– Спасибо, мистер Келли. Кто-нибудь на вашем месте мог бы просто потихонечку смыться оттуда, правильно? Чтобы без лишних забот. А вы не смылись. Поэтому – спасибо. Мы уж тут разберемся, не сомневайтесь. А нужно будет – свяжемся с вами. Найдем. Рон, проводи.

Дэн Келли молча кивнул констеблю и, скользнув взглядом по прищурившемуся молодому пинкертону, направился к двери. И, уже открыв ее, услышал вдогонку:

– А насчет камней, может, вы и правы, мистер Келли. Может, в них и в самом деле что-то есть...

⁴ В феодальной Англии мелкие землевладельцы, самостоятельно обрабатывающие землю.

3

Утреннее небо по-прежнему было выкрашено в сплошной серый цвет и отражалось в таких же серых пятнах многочисленных луж, но дождь прекратился. Часы показывали начало одиннадцатого, однако Дэн Келли все никак не мог покинуть этот пропитанный духом старины городок и отправиться назад, в Уолсолл. Избавившись от общества полицейских, он поехал в центр, позавтракал в немногочисленном кафе, а потом оставил автомобиль на стоянке и устроил себе экскурсию. Бродил по нешироким улицам, разглядывая крепкие мрачноватые дома времен Средневековья, со всех сторон изучил местные достопримечательности: готический собор тринадцатого века, дворец епископа – ровесник собора, торговый павильон «Рыночный крест». Заглянул в два-три магазина, оценил ассортимент сувенирных и антикварных подвальчиков.

Никаких дел у него в Солсбери не было, еще раз посещать Стоунхендж после случившегося ему абсолютно не хотелось, – но и сесть за руль и как ни в чем не бывало пуститься в обратный путь он почему-то не решался. Обнаженная молодая женщина, лежавшая среди камней, не шла у него из головы. И волосы у женщины были все-таки сухими – словно ее только что оставили там. Оставили – и исчезли. Испарились. Или это действовали невидимки? Уэллсовский Гриффин с компанией таких же, как он... Но почему именно в Стоунхендже? Почему не на обочине, не в кустарнике? Вообще – почему?

Тут ощущался странный, тревожащий запах тайны...

Не обращая больше внимания на красоты архитектуры и прохожих, Келли выбросил в урну недокурную сигарету и быстрым шагом направился к автостоянке. Словно вдруг понял, что куда-то опаздывает.

...Но, как оказалось, спешил он совершенно напрасно. Все та же мумия-медсестра уже без былой неприязни сказала ему, что ничего не изменилось и перспективы весьма туманны. Если улучшение и будет, то уж никак не сегодня. И вряд ли завтра.

Келли записал номер телефона и, почему-то ощущая себя мухой, запутавшейся в паутине, покинул больницу.

Его «воксхолл» стоял наискосок от больничных ворот, на другой стороне улицы. В капот автомобиля упирался своим тылом какой-то долговязый субъект в коротком, выше колен, кремового цвета плаще. У субъекта были длинные темные волосы, своей прической он копировал то ли лучшего бомбардира «Манчестер Юнайтед» Джорджа Беста, то ли каждого из «битлов», а на плече его висела на ремне небольшая черная сумка. Почему он выбрал в качестве подпорки именно автомобиль Келли, было непонятно, потому что рядом стоял «рено», – ничуть не хуже «воксхолла», – а за газоном, под деревьями с мокрой листвой, поджидала всех усталых и дряхлых совершенно свободная скамейка. Правда, на дряхлого субъект отнюдь не походил – на вид ему было не больше сорока.

Порывшись в памяти, Келли вспомнил, что, кажется, минут пятнадцать назад видел этого типа в больничном вестибюле – там находились какие-то люди, на которых он не обратил внимания.

Мысленно пожав плечами, он пересек улицу и намеревался уже открыть дверцу автомобиля, когда долговязый отклеился от капота и жизнерадостно улыбнулся:

– Мистер Келли? Я как раз вас и поджидаю.

Келли выпрямился и взглянул в длинное, с чуть выпуклыми карими глазами, приветливое лицо, обрамленное баками. На бобби субъект явно не походил, но и ни на одного из знакомых Келли – тоже.

– Чем обязан? – спросил он, на всякий случай внутренне собравшись.

– Марк Синчин, репортер местной «Кроникл», – тут же отрекомендовался субъект, подходя ближе. – Мне сообщили, что день у вас сегодня начался весьма интересно. Если не возра-

жаете, давайте заберемся в ваш лимузин и поговорим. У меня есть «Филип Моррис», с двойным фильтром.

Судя по напористости, репортер был явно не из новичков. Келли переступил с ноги на ногу, посмотрел, как тот вынимает из кармана плаща серую пластмассовую сигаретную пачку, и кивнул:

– Хорошо.

Действительно, почему бы читателям «Кроникл» не узнать о хорошем поступке Дэна Келли из Уолсолла, торговца отличным, между прочим, дамским бельем? Гибкая система скидок и так далее...

Они устроились в машине, закурили «Филип Моррис», и Келли первым делом поинтересовался, каким образом о недавно происшедших событиях стало известно репортеру местной газеты.

Ответ оказался очень простым. Марк Синчин был не просто журналистом, работавшим в редакции одной из городских газет, а именно репортером. То есть человеком, готовящим материалы о текущих событиях и происшествиях. Происшествиями занималась полиция – там Синчин и брал всю информацию. Точнее, не всю, а ту, которую давали, ту, которую полицейское начальство считало допустимым для публикации. Вот и сегодня утром Синчин, как обычно, сделал несколько звонков по «точкам», как он это называл, и в числе других новостей узнал и о «жертве из святилища друидов». Именно так он успел ее окрестить, вполне в духе журналистской братии. Решив, что этот случай заслуживает внимания, репортер поспешил в полицейский участок, к своим старым знакомым, где и выведал все подробности. Включая имя человека, доставившего потерпевшую в больницу, и номер его «воксхолла». Более того, расторопный журналист присоединился к полицейским и побывал в Стоунхендже, на месте происшествия. Это место Келли не только описал в своих показаниях, но и отметил на схеме памятника старины, которую набросал на листе бумаги.

После этого Синчин отправился в больницу, чтобы выяснить состояние пострадавшей. («Все, что могу, перепроверяю сам, – сказал он Дэну. – Стараюсь публиковать только достоверные сведения – дорожу своей репутацией».) Получив уже известный Келли ответ, Синчин вышел из больницы и обнаружил рядом со своим «рено» серый «воксхолл» с тем самым номером, что он записал в полицейском участке. Серый «воксхолл», который, как полагал Синчин, давным-давно уже оставил позади границы графства Уилтшир...

«А та мумия не сказала, что буквально передо мной уже интересовались здоровьем этой несчастной», – подумал Келли.

– И я решил дождаться вас, – завершил Синчин преамбулу. – Одно дело, читать бумаги или слушать официальную, так сказать, информацию, и совсем другое – пообщаться с очевидцем. Тем более, с единственным очевидцем. Предупреждаю, что я очень дотошен, зануден и прилипчив, и не отвяжусь до тех пор, пока все-все-все не разужу. Так что признавайтесь, Дэн: что вы утаили от полиции?

Келли чуть не поперхнулся ароматным сигаретным дымом.

– С чего вы взяли, что я что-то утаил? Зачем мне утаивать? Не я же ее туда притащил! Я все подробно рассказал и добавить мне нечего. Этому рассказал, с рыжими усами...

– Типлеру, – вставил Синчин.

– Возможно. Я его фамилию не запомнил. Так что все подробности там, в участке.

– Нет, Дэн, вы меня не поняли. Я имею в виду такие мелочи, что для протокола не годятся. Ну, мелочи – и всё. – Синчин пошевелил длинными пальцами, словно силился подобрать слова. Таким пальцам мог позавидовать как вор-карманник, так и пианист. – Ваши собственные ощущения, понимаете? Атмосфера... То, что никак в протоколе не отразить. Там вот о вспышке говорится. Вы что сначала увидели – вспышку или женщину? Что это за вспышка, как вы

думаете? Я ведь не только криминальной хроникой пробавляюсь. И случаи наблюдений НЛЮ меня интересуют, и предсказания, и об исчезновении «Элдриджа» я писал...

– Кто такой Элдридж?

– «Элдридж» – это американский эсминец. Исчез в сорок третьем, в Филадельфии. А появился потом совсем в другом месте. Так как насчет вспышки? Сначала вспышка, а потом женщина? Или наоборот?

– Точно сказать не могу. По-моему, вспыхнуло над поперечной плитой, а уж лежала ли в это время женщина там, за трилитоном, или нет, я не видел. Я уже потом туда заглянул, после вспышки... – Келли помолчал и добавил: – Констебль там иронизировал насчет вертолетов, так вот: ни с какого бесшумного вертолета-невидимки сбросить ее никак не могли. Поза у нее была не та. Словно на пляже, колено поднято. Загорает и книжку читает. Только книжки нет, и солнца нет. Дождь вместо солнца. Дождь, – а волосы сухие, я же не слепой...

– Ч-черт! – Синчин чуть не подпрыгнул на сиденье. – И этого тоже в протоколе нет.

– Потому что ваш мудрый констебль разъяснил, что это мне просто показалось. А кожа теплая, мол, потому, что у нее горячка. И вообще, я ее из Уолсолла с собой прихватил, накачал какой-то дрянью и сдал в больницу. Потому что я скрытый маньяк, во мне некий мистер Хайд временами оживает...

Синчин махнул рукой.

– Да ладно вам, Дэн. На констеблей и детей обижаться нельзя.

Журналист только что собирался еще раз закурить, но так и не закурил. Крутил незажженную сигарету в руке и явно о чем-то размышлял, сдвинув густые черные брови и напряженно глядя на собственные колени, обтянутые синей тканью джинсов.

«Подземелье, – осенило Келли. – Там, под трилитоном, – пещера. Собираются местные друиды... этот Типлер говорил о друидах... Устраивают оргии. Что-то там у них произошло, избили ее, вытащили наружу. А меня заметили и закатали фейерверк. Чтобы отпугнуть...»

Версия была довольно неуклюжей, но худо-бедно почти все объясняющей. Однако излагать ее Келли не собирался – версии пусть выдвигают бобби и журналисты.

– Исчезновения, – медленно произнес Синчин и повернулся к Келли. – Где-то люди исчезают, где-то люди появляются. И такие случаи далеко не единичные. Я этим тоже интересовался.

– Я знаю одну такую историю, – сказал Келли. – Пришли женщины ко гробу, заглянули, – а там нет распятого, только одежды погребальные.

Синчин рассеянно улыбнулся, продолжая манипулировать незажженной сигаретой:

– Ну, эта история о человеке, скажем так, не совсем обычном. Вернее, не совсем человеке. А я говорю о самых обыкновенных людях. Например, об эскимосах из Ангикуни. Слыхали о такой деревушке?

Келли отрицательно покачал головой.

– Я о многом не слыхал, я ведь не журналист.

– Так послушайте, Дэн. У нас под носом полным-полно загадок! Там лет сорок назад бесследно пропали все жители. Остались только трупы привязанных к дереву собак, умерших от голода. И это очень странно, Дэн, потому что эскимосы никогда не оставили бы своих собак на произвол судьбы. А они не только собак, но и ружья оставили. А что такое ружье для эскимоса? Самое ценное имущество, вот что это такое. И подобных фактов хватает, я этим не первый год занимаюсь... А как вам другое? В тысяча девятьсот четырнадцатом, в Чэтхеме, Иллинойс. Вечером, в январе, на улице появился некий человек. Как показалось очевидцам, он возник прямо из воздуха и был, – Синчин многозначительно поднял палец, – совершенно голый. Совершенно голый в холодный январский вечер. Бегал взад-вперед по улице, пока его не задержал полицейский. Врачи посчитали его умалишенным, а одежду так и не нашли. А с

десяток лет назад один владелец пивоваренного завода в Южно-Африканском Союзе⁵ вдруг обнаружил себя в Нью-Йорке. Последнее, что сохранила его память, это то, что он вышел из ресторана в своем Йоханнесбурге. Как предполагал мой знаменитый коллега Чарльз Форт⁶, человек, живущий в одном уголке Земли, вдруг попадает в иное измерение и появляется в совершенно другой части нашего шарика. При этом происходит амнезия – потеря памяти. Как видите, тут есть над чем подумать, Дэн, – подытожил Марк Синчин.

– Да уж... – пробормотал Келли, чувствуя себя несколько не в своей тарелке от такого обилия неожиданной, странной информации. – А вы в полиции все это не рассказывали?

Синчин покосился на него, шелкнул наконец зажигалкой, направил длинную струю дыма за приспущенное боковое стекло и только потом ответил:

– Нет, конечно. Видите ли, полиция в своей работе руководствуется усеченным принципом Оккама. Слыхали о таком?

– Да нет же, – с легкой досадой сказал Келли. – У меня другая специализация.

– Наш великий философ советовал не умножать количество сущностей без необходимости, – пояснил Синчин. – То есть, если у вас в толпе, в давке, пропал из кармана бумажник, не стоит выдвигать версию о том, что его стащили невидимки-марсиане. Другое дело, если бумажник пропал с вашего стола, когда вы находились в комнате в одиночестве, при закрытых дверях и закрытых окнах. Тогда, возможно, это именно воздействие марсиан. И добавить новую сущность, а именно: марсиан – стоит. То есть предположить, что бумажник утанули марсиане. Но полиция применяет усеченный принцип, или бритву Оккама: не умножает количество сущностей – и точка. Она вообще не будет выдвигать версию о марсианах и объяснит исчезновение бумажника тем, что его у вас просто не было.

– Вряд ли бумажник ни с того ни с сего исчезнет со стола, – заявил слегка сбитый с толку всеми этими «бритвами» Келли.

– Не скажите, – возразил Синчин.

– Значит, другое измерение... – пробормотал Келли. – Она перенеслась сюда откуда-нибудь из Австралии. – Он взглянул на Синчина. – Так?

– Или из Южно-Африканского Союза, – ответил тот.

– Все это чертовски интересно... Сразу видно журналиста, охотника за сенсациями. Только, по-моему, никакого отношения к другим измерениям эта история не имеет.

– Как знать...

– И правильно, что полиция марсиан сразу отсекает, иначе все можно было бы на них списывать.

– Как знать, – повторил Синчин. – Впрочем, никаких предположений я в своем материале излагать не собираюсь. Чисто информационная заметка. Дэн Келли из Уолсолла обнаружил в знаменитом Стоунхендже неизвестную женщину без сознания и доставил в больницу. Точка. Может, вы и правы, Дэн, и завтра действительно все выяснится. Если у нее с памятью все в порядке.

– Я телефон больницы записал, дайте мне еще и свой, – попросил Келли. – Интересно же...

– Конечно, Дэн. – Синчин достал из бокового кармашка сумки визитную карточку. – Звоните. Лучше вечером, после девяти, на домашний. Днем я то здесь, то там, тем более лето – чего на месте-то париться?

– А вот моя, на всякий случай. – Келли вручил журналисту свою визитку. – Может, вы любитель дамского белья. В смысле, ценитель, – тут же поправился он.

⁵ Прежнее название Южно-Африканской Республики.

⁶ Американский исследователь «непознанного», публицист, предтеча современного уфологического движения; работал и репортером.

– О, еще какой ценитель! – воодушевленно произнес Марк Синчин. – Особенно ценю, когда оно на даме полностью отсутствует. Еще сигарету, Дэн?

4

Дэн Келли позвонил в больницу на следующий день после того как вернулся домой, в Уолсолл. Потом звонил в среду. Потом – в четверг. В пятницу ему сообщили, что пострадавшая наконец пришла в сознание, но навещать ее пока нельзя.

В субботу Келли вместе с женой ездил в Бирмингем, на свадьбу племянницы, и отдал должное доброму скотчу. Поэтому в воскресенье маялся головной болью, хотя и испробовал с утра старое, еще имперских времен, средство от похмелья – «собачью шерсть», то бишь стакан холодного эля. Жене он о происшествии в Стоунхендже ничего не говорил – мало ли что она могла себе вообразить...

14 июля, в понедельник, его опять вежливо, но твердо отшили, и Келли вечером позвонил Марку Синчину, в надежде, что пронырливый журналист оказался более удачливым. Ни в девять, ни в десять трубку в доме Синчина никто не брал, и только с третьей попытки, уже в половине одиннадцатого, Келли наконец-то услышал голос репортера «Кроникл».

Оказалось, что Синчин действительно, как и подобает репортеру, располагает такой информацией, какой не располагал Келли. Но информацию эту нельзя было назвать ни обнадеживающей, ни утешительной.

– Да, она пришла в сознание, – подтвердил Синчин. – Вот только в себя не пришла.

– Как это? – не понял Келли.

– Судя по всему, Дэн, у нее не только сотрясение мозга. Помните, я говорил про амнезию? Так вот, похоже, что с памятью у нее большие проблемы.

– Она ничего не помнит?

– Даже не то чтобы не помнит... Она кое-что говорит, не очень много, но все-таки говорит... Кстати, выговор у нее американский, отметьте, Дэн. Она не англичанка. Что придает весомости моим предположениям, согласитесь.

– А что она говорит? – торопливо спросил Келли.

– Разное, – уклончиво ответил журналист. – Отдельные фразы, не очень связные, или вообще... Ни кто она, ни откуда... Есть все основания считать, что она очень и очень психически нездорова.

– Я завтра приеду, – ощущая какое-то странное волнение, сказал Келли. – Вы же там свой, Марк, сделайте так, чтобы меня к ней пустили. Мне очень нужно, Марк! Я места себе не нахожу.

– Хорошо, – после некоторого молчания произнес репортер. – Попробую. Приезжайте к одиннадцати... нет, к половине двенадцатого, в больницу. Я буду ждать.

Келли положил трубку. Он не помнил, когда в последний раз так волновался. И почему? Он вытер со лба неожиданную испарину и услышал за спиной напряженно звенящий голос жены:

– Могу я узнать, кто она такая, эта особа, к которой ты так рвешься?

– О черт, Джин, – вздрогнув, чуть ли не простонал Дэн Келли и сжал ладонями виски. – Это совсем не то, что ты думаешь.

– Не находишь себе места, потому что тебя ждут в Солсбери, да? – Жена набирала скорость и не сворачивала с пути, который представлялся ей правильным. – И кто же там тебя к ней не пускает? Муж?

«Привезти ей газету с заметкой?» – подумал Келли.

– Неделю назад я сбил женщину, Джин, – произнес он, не оборачиваясь. – Возле Солсбери. А теперь она, слава богу, пришла в себя...

...В больнице все устроилось как нельзя лучше.

– Спасибо, Ди! – Марк Синчин, переломившись в поясе чуть ли не пополам, чмокнул в щечку рыженькую молоденькую миниатюрную медсестру.

– Но если что, я вас не видела, – сказала та, переводя взгляд с журналиста на Келли. – И десять минут, не больше.

– Мучить мы ее не будем, – пообещал Синчин и открыл дверь палаты. – Заходите, Дэн.

Палата была небольшой, с высоким потолком и приоткрытым окном, за которым зеленели деревья больничного сада. По обеим сторонам от окна стояли две тумбочки, а вдоль стен, справа и слева от входа, располагались две кровати. Одна была аккуратно застелена, а на другой, забравшись туда с ногами, прислонясь спиной к оклеенной бледно-зелеными обоями стене и обхватив руками поднятые колени, сидела белокурая женщина в больничном халате цвета пепла от сигарет. Рядом с кроватью приткнулся стул, а на тумбочке чуть поблескивал в солнечном луче одинокий стакан с водой. На стене у изголовья кровати висела коробочка радиоприемника, и доносился из нее негромкий голос.

Хотя глаза у женщины были закрыты, как-то не верилось, что она спит – трудно спать в такой позе, сидя поперек кровати.

– Привет, – сказал Марк Синчин. – Мы к вам в гости.

Веки женщины чуть дрогнули, и это была ее единственная реакция на слова репортера.

Синчин, не раздумывая, направился к кровати, сел на стул и приглашающе махнул рукой Келли, который все еще стоял у двери.

Да, это была та самая женщина из Стоунхенджа. Келли предполагал, что увидит ее лежащей, ему почему-то представлялись капельница и осциллограф... кардиограф... – или как там называется прибор, на экране которого в такт биению сердца появляются горки. Но сидеть со сломанными ребрами, да еще и согнувшись... Или все не так плохо?

Он, ступая чуть ли не на носках туфель, тоже приблизился к кровати.

– Здравствуйте, – голос его прозвучал приглушенно. – Я Дэн Келли. – Он откашлялся. – Это я вас нашел...

Он ни на что особенно не рассчитывал – Синчин уже довольно подробно рассказал ему о безуспешных попытках завязать диалог с пострадавшей, – но нужно же было как-то начать. А вдруг?...

Веки женщины снова дрогнули, однако глаза ее продолжали оставаться закрытыми.

– Как вы себя чув...

– Тс-с... – приложив палец к губам, внезапно прошептала женщина.

И повела рукой в сторону радио.

Осекшийся Келли посмотрел на журналиста. Тот пожал плечами и достал из нагрудного кармана синей джинсовой рубашки блокнот и короткую шариковую ручку. Радио продолжало что-то негромко бубнить мужским голосом. Келли прислушался.

– Вы возьмете с собой на память камешек с Луны?

– На этот счет мы не получали никаких указаний...

– Скажите, пожалуйста, исходя из вашего опыта, будут ли те два с половиной часа, которые вы проведете в космическом корабле перед стартом, самыми напряженными для вас, словно ожидание в приемной у дантиста?

– Как раз этот этап нами очень хорошо отработан. Здесь для нас нет ничего нового...

Келли вновь взглянул на Синчина.

– Армстронг, – тихо сказал журналист. – Запись субботней пресс-конференции, в десятый раз крутят.

Келли и сам знал, что это такое. И радио, и телевидение, и газеты ежедневно напоминали о событии, ожиданием которого жил если не весь мир, то очень многие. Завтра, в среду, 16 июля, в 13.30 по Гринвичу, «Аполлон-11» должен был стартовать с мыса Кеннеди, чтобы доставить на Луну первых землян.

– Что вы станете делать, если обнаружите, что не сможете взлететь с Луны? – продолжал допытываться невидимый представитель американской прессы. – Начнете молиться, станете сочинять предсмертные послания близким или оставите на Луне лишь подробную информацию о случившемся?

– Не стоит думать о неприятностях, – сдержанно ответил Армстронг.

– Все хорошо... – неожиданно сказала женщина, не меняя позы и не открывая глаз. – Девочка Чанго встретит вас... С большим кроликом под корицей...

Она говорила чуть громче радио, на одной ноте, делая недолгие паузы между словами. Синчин торопливо раскрыл блокнот и начал быстро записывать, а Келли неотрывно смотрел на ее едва шевелящиеся красивые губы со следами затянувшихся ранок, и сердце его сжималось: да, у незнакомки явно было не все в порядке с психикой...

– Девочка Чанго нарядится Санта-Клаусом, – продолжала она плести странные словесные узоры. – Маленький шаг одного человека... Огромный скачок всего человечества... Все хорошо... Все люди на Земле едины в этот неоценимый момент... И молятся о том, чтобы вы благополучно вернулись... Кнопка сломалась... Шариковая ручка...

Марк Синчин, встрепенувшись, поднял голову от блокнота, думая, что больная имеет в виду его шариковую ручку. Но ресницы женщины по-прежнему были сомкнуты.

– Их оплакивают их семьи и друзья... – сказала она, и у Келли мороз прошел по коже от этих зловещих слов. – Их оплакивают народы мира... Нет... Все хорошо... – На губах ее обозначилась едва заметная улыбка, но тут же она нахмурила брови. – Мыс Кеннеди... Вверх... Кеннеди... Вниз... В воду... Вместе с Мэри...

Женщина замолчала, словно выбилась из сил, а радио продолжало говорить голосами журналистов и экипажа «Аполлона-11».

– Вместе с Мэри? – переспросил Синчин, вновь отрываясь от блокнота. – С какой Мэри?

Блондинка с подживающими ссадинами на лице застыла, как изваяние. Только пальцы ее, сцепленные на коленях, едва уловимо подрагивали.

Синчин поставил в блокноте вопросительный знак, что-то приписал внизу и показал Келли.

«Впервые так много говорит», – прочитал тот нацарапанные крупным угловатым почерком слова.

Склонившись над кроватью, Дэн негромко спросил:

– Как вас зовут?

Изваяние продолжало оставаться изваянием.

– Откуда вы?

Глаза изваяния медленно открылись, и Келли увидел, что они очень красивые, небесно-голубые. Женщина глядела прямо на него, но взгляд ее был странным, отсутствующим, как бы обращенным не наружу, а внутрь. К иному. Секунду спустя в ее глазах мелькнула какая-то искра, и женщина тихо, но внятно, с облегчением произнесла:

– Ясон... Вернулся... Нашел...

Синчин вновь лихорадочно заработал своей ручкой.

– Кукла Барби... В комнате... Аквариум... В Чаттануге... И Лео... Красный Гор отпустил...

Журналист вскочил со стула и выключил мешающее радио. Плюхнулся обратно и забросал женщину вопросами:

– Кто такой Лео? Кто такой Красный Гор? Вы из Чаттануги? Вы были в Чаттануге?

Женщина склонила голову в сторону радиоприемника и брови ее поднялись, словно она недоумевала, почему стихли голоса.

– «Аполлон»... Луна... «Арго»... Нашел...

Звук открывшейся двери заставил Дэна Келли вздрогнуть.

– Что здесь происходит? Кто позволил?

Внушительных размеров бородач в очках и белом халате решительным шагом приблизился к кровати с таким возмущенным видом, словно вместо двух прилично одетых мужчин увидел здесь неопрятных скрюченных гоблинов из народных сказаний. Из-за двери испуганно выглядывала рыженькая медсестра, которую Синчин называл Ди.

– Видите ли, док... – поднимаясь со стула, начал было Марк, но здоровяк, замахав руками, рывкнул так, что заколыхалась вода в стоящем на тумбочке стакане:

– Немедленно покиньте палату!

– Мы подождем вас в коридоре, док, и я все объясню, – оставил за собой последнее слово привычный к любым передрягам газетчик.

На пороге палаты Келли оглянулся, но широкая спина врача закрыла от него женщину с глазами цвета спокойного неба.

«Жаль, что я не Ясон, – подумал он. – И вообще...»

5

Уже смеркалось и на улицах зажглись фонари, когда Келли припарковал автомобиль в квартале от ограды больничного комплекса. Выставив локоть в открытое боковое окно, он закурил и стал ждать, пока сумрак наберет силу и перевоплотится в ночь. От чуть ли не двух десятков чашек кофе, выпитых за день, во рту было горько, и к горлу то и дело подкатывали кислые волны изжоги.

После того как Келли и журналиста вытурили из палаты, разговор с врачом не получился. Точнее, общение было, но состояло оно из монолога врача. Врач в самой категорической форме потребовал, чтобы ни Келли, ни Синчин в течение как минимум недели даже не приближались к больнице. Они посидели в кафе, обмениваясь вялыми фразами (а о чем можно было говорить, что анализировать: полубесвязные высказывания не совсем психически здорового человека?), – и распрощались. Уже выехав из Солсбери, Дэн спохватился, что так и не увидел номер «Кроникл» с заметкой о происшествии в Стоунхендже; он не напомнил Синчину, а газетчик, наверное, и вовсе не держал это в голове.

А уже преодолев значительную часть пути до дома, возле Ковентри, он вдруг затормозил и, развернув машину, направился назад.

Но не ради газетной заметки.

Июльское солнце щедро заливало светом зеленые просторы полей с безмятежными овцами, всю стараясь опровергнуть расхожую фразу о «Туманном Альбионе». Текли по шоссе потоки юрких легковых авто, сопящих грузовиков, набычившихся рефрижераторов и величавых автобусов. Но Келли словно не замечал ничего вокруг, тащась на малой скорости по крайней левой полосе. Прочный стеклянный колпак накрыл его и отделил от мира, и влекла его назад какая-то сила сродни гравитации: вроде ничего не видно, а летишь вниз, а не вверх. Ее можно было бы назвать душевным притяжением, только Келли об этом не думал. Он просто знал, что ему обязательно нужно вновь повидать женщину с красивыми глазами цвета неба, взгляд которых обращен к чему-то иному... Женщину, неведомо как оказавшуюся в Стоунхендже.

Такая встреча никак не могла состояться при дневном свете, поэтому Келли не спешил.

До вечера было еще далеко, и как скоротать эти часы, он не знал. Посетить Стоунхендж? Нет, ехать в заполненный экскурсантами Стоунхендж не хотелось.

Проплетаясь еще с десяток миль, Келли увидел впереди мост и свернул с трассы. Остановил машину и вышел на берег неширокой речушки с серой водой. Выбрав место, свободное от овечьих катышков, улегся на траву и начал смотреть в бледно-синее небо, словно стараясь как можно точнее запечатлеть в памяти его глубину и покой. И незаметно задремал под отдаленный гул шоссе.

Вернувшись в древний городок, он продолжал убивать время, то слоняясь по магазинам, то сидя в очередном кафе. В конце концов, он забрел в кинотеатр и вполглаза посмотрел, в почти пустом зале, виденный раньше «Дом ужасов», витая мыслями где-то далеко от экрана. И наконец дождался вечера.

Редкие прохожие возникали на освещенных фонарями пятачках тротуара и исчезали в тени деревьев – словно проваливались в иное измерение. Из открытых окон трехэтажного дома, возле которого стоял «воксхолл» Келли, доносилось бормотание телевизоров.

«Мог ли я подумать еще десять дней назад...»

Дэн затушил в пепельнице окурочек и выбрался из машины. Огляделся и двинулся к больнице. Он не замечал, что невольно ускоряет шаг, влекомый неведомым притяжением.

Поравнявшись с больничной оградой, Келли еще раз стрельнул глазами направо и налево. Потом забрался на выложенное из кирпича основание, в которое были вмурованы идущие

вверх металлические прутья, и протиснулся между угловой тумбой и ближайшим прутком. Там проем был шире, чем в других местах, и Келли подметил это еще днем, когда, следуя за «рено» Синчина, отъезжал от больницы. Операция прошла успешно, потому что Келли был сухощав, и хотя употреблял пиво не так уж редко, пивным животом пока не обзавелся. Спрыгнув на траву по другую сторону ограды, он пригнулся и начал пробираться среди кустов к больничному саду, куда выходило окно нужной ему палаты.

Несмотря на ясную погоду, земля под деревьями была влажной – солнечные лучи целыми днями не могли проникнуть сюда сквозь густую июльскую листву. Келли был уже недалеко от здания, когда что-то темное метнулось ему наперерез и с шорохом вскарабкалось по стволу.

«Тьфу ты, это кошка! – сказал он зашедшемуся в истерическом ступе собственному сердцу. – Я спугнул кошку...»

Черной ли она была – или просто серой, какими вечером бывают все кошки?...

Келли сделал еще несколько осторожных шагов и остановился, разглядывая цепочку окон первого этажа. Почти все они были открыты, и кое-где горел свет, бледными прямоугольниками ложась на траву. Представив внутреннее расположение помещений больничного корпуса, Дэн поступью ловца бабочек приблизился к тому окну, за которым, как он полагал, находилась палата голубоглазой незнакомки. Ухватившись за края оконной рамы, он поставил ногу на выступ фундамента, оттолкнулся ступней и перевалился на подоконник. Отодвинул легкую занавеску и начал всматриваться в сумрак палаты. Радио молчало, до Келли не доносилось вообще никаких звуков, и, возможно, палата была и вовсе пуста.

Так он и оставался на подоконнике, его голова, плечи и грудь были внутри, а все остальное снаружи. Глаза наконец приспособились к темноте. Он разглядел тумбочки и кровати... и женщина, кажется, лежала там...

– Эй! – тихо позвал он. – Это я, Дэн Келли. Я был у вас сегодня...

Ему показалось, что в темноте раздался еле слышный вздох.

– Это я, Дэн Келли, – повторил он уже чуть громче. – Это я вас нашел... И привез сюда...

Теперь ответом ему была полная тишина.

– Я нашел вас в Стоунхендже, – еще громче сказал Келли. – Как вы попали туда? Откуда вы? – Он сделал паузу. – Вы меня слышите? Скажите свое имя...

И вновь все слова его, как в песок, ушли в тишину.

Келли отбросил колебания и, чувствуя себя пятнадцатилетним подростком, подался вперед, перенес ноги через подоконник, спустил их на пол и оказался в палате. Осторожно ступая, приблизился к постели, присел на краешек.

Да, незнакомка никуда не делась. Она лежала на спине, под натянутым до плеч одеялом, и Келли различил ее обращенное к потолку лицо. Он не мог разглядеть, открыты ли ее глаза, но какое-то чутье подсказывало ему, что она не спит.

– «Арго», – неожиданно для самого себя сказал Келли. – Ясон. Я вернулся.

Он произнес эти слова как код, рассчитывая на ответную реакцию, и его надежды оправдались.

– Ясон... – донесся до него тихий шепот, и почти в тот же момент он почувствовал прикосновение ее руки к своему бедру. – Я знала, что ты разгрузишься и вернешься... Пылевая буря... Экскаватор засыпало...

Дэн затаил дыхание, боясь пропустить хоть слово. Возможно, в этих словах был ключ, который позволит отгадать загадку.

– Где засыпало? – спросил он, понимая, что действительно имеет дело с чем-то необычным: какие пылевые бури могли быть в Стоунхендже той дождливой ночью? – В Чаттануге, да?

Пальцы женщины впились в его ногу.

– Их надо вытащить оттуда, это очень просто... Вытащи их... Иди прямо, никуда не сворачивай... Они там... Вытащи их...

– Хорошо, – сказал Келли и накрыл ее пальцы своей ладонью. – Можно, я поцелую вас?

– А я-то все перепутала... Там ведь не тупик, там выход... Я перепутала...

Он нагнулся и нашел своими губами ее губы. Они были теплыми и податливыми.

– Я найду их и вытащу, – произнес он и поднялся. – Прямо сейчас. Только скажите, как вас зовут.

– Не знаю... Юлалум⁷... Или нет? Не знаю...

Имя «Юлалум» было Дэну Келли неизвестно.

– Я верну вам имя. Я найду их.

Он пересек палату, взобрался на подоконник и спрыгнул на землю. И, не оборачиваясь, направился к ограде, за которой далекими звездами горели фонари. А над фонарями, в темном небе, горели настоящие звезды. Небо было заполнено звездами, а еще в нем кружили планеты. Луна, к которой завтра устремится «Аполлон»... Марс, который пока ждал своего часа...

...«Воксхолл» покинул засыпающий Солсбери и мчался к каменным исполинам Стоунхенджа. Дэн Келли не курил и не слушал радио, а сосредоточенно смотрел на дорожное полотно, уносящееся под колеса. Он не задумывался над тем, что творится с ним, он не анализировал свои действия – он просто делал то, что, по его собственному, возникшему словно ниоткуда, непоколебимому убеждению, был обязан сделать. Найти неведомых ему людей, о которых говорила женщина, и раскрыть тайну. Он был уверен, что у него это получится.

Оказывается, все эти долгие-долгие годы, занятые работой, вечеринками, футбольными страстями, скачками, картами, газетами и теленовостями, жило в нем заветное, сокровенное, непреодолимое желание прикоснуться к тайне и раскрыть ее. Оказывается, он всю жизнь, может быть, и не ведая того, мечтал прорвать паутину обыденности и погрузиться в тайну...

Кто знает, сколько неоткрытых Америк упрятано в глубине каждой души человеческой...

Прибыв на знакомое место, Дэн Келли оставил машину и легкой, размашистой, пружинящей походкой подростка зашагал к древнему сооружению, ждущему его в ночи.

⁷ Юлалум – имя умершей девушки из баллады Эдгара По «Юлалум».

6

Марк Синчин стоял возле своего темно-синего «рено» и смотрел, как выходят на привокзальную площадь три-четыре десятка пассажиров, прибывших в Солсбери лондонским поездом. Утро предпоследнего дня августа было хмурым и прохладным, и многие были в плащах. Американца журналист надеялся распознать без проблем, хотя общался с ним всего один раз, и то по телефону. Особого таланта тут не требовалось: нужно было просто определить, кто из мужчин-одиночек не идет к такси, автобусной остановке и стоянке автомобилей, и вообще не торопится покидать площадь, а изучает припаркованные у тротуара машины – Синчин описал американцу свой «рено». В результате этих наблюдений журналист вычислил гостя и помахал рукой мужчине средних лет, в светлом плаще и с небольшим портфелем явно заокеанского производства. Мужчина поднял руку в ответ и деловитой походкой направился к нему, оглябая лужи, оставшиеся после ночного дождя.

Репортер «Кроникл» сделал несколько шагов навстречу.

– Мистер Синчин, если не ошибаюсь?

Мужчина был не очень высок ростом и крепко сбит, с массивной нижней челюстью, широким приплюснутым носом боксера в отставке и ежиком не слишком густых русых волос. Из-под выпуклого, напоминающего башню танка мощного лба смотрели на журналиста серые, как небо утреннего Солсбери, глаза. Хотя прононс у него был почти лондонский, чувствовалось, что этот человек обитает по другую сторону Атлантики.

– Вы не ошибаетесь, – ответил репортер. – Я к вашим услугам, мистер ван...

– Маарен. Деннис ван Маарен, – перебил его мужчина, вежливо улыбнулся, явно сказав про себя: «Чи-из», и протянул руку.

«Бонд. Джеймс Бонд», – вспомнил Синчин знаменитого агента, ощутив, как пальцы его попали в тиски. Впрочем, тиски тут же разжались.

– Впервые у нас? – приступил было репортер к светской беседе, но американец не дал ему блеснуть красноречием.

– Давайте сразу к делу, мистер Синчин. Записи у вас собой?

Журналист молча кивнул.

– Где нам можно поговорить без лишних ушей?

Синчин пожал плечами и ответил уже без прежнего радушия:

– Если вы так спешите, мистер ван Маарен, можно прямо здесь. – Он повел головой в сторону «рено», стоящего у него за спиной. – В моей машине. Только не знаю, будет ли вам достаточно комфортно, мистер ван Маарен.

«Ох, уж эти деловые янки! Сплошные агенты ноль ноль семь. «Без лишних ушей», понимаешь... Ну да, он же сам – из «Большого Уха», зачем ему другие?...»

Хотя дело действительно было неординарным, и, в конце концов, он сам инициировал этот визит сотрудника заокеанских спецслужб.

– У меня есть задание, – ровным голосом сказал ван Маарен. – И мне бы хотелось получить от вас информацию в максимально короткий срок. – Он вновь улыбнулся отработанной, типично американской псевдоулыбкой. – Потому что общение с вами, мистер Синчин, – только часть задания. Ситуация вырисовывается достаточно серьезная, вы уж мне поверьте. Однако это не означает, что нам непременно нужно беседовать в вашем автомобиле. Возможно, у вас в Солсбери есть места, где, скажем, подают пиво и яичницу с ветчиной...

– Безусловно! – оживился репортер. – Такие места я знаю, а лишних ушей там не держат. Или скармливают клиентам, под пиво, или выбрасывают в отходы. Зачем им лишние уши, а также головы и хвосты?

– Окей. – Теперь улыбка американца была более натуральной. – Но учтите, я уши есть не буду, у меня от них обычно пучит живот.

– А мне хоть бы хны! Вам не приходилось иметь дело с китайской кухней? Стоп, давайте в машину, я по пути расскажу...

Марк Синчин многое прощал людям, обладавшим хотя бы зачатками чувства юмора, и вспыхнувшая было неприязнь к заокеанскому гостю бесследно испарилась.

Однако в предстоящей беседе вряд ли могло найтись место юмору.

Полтора месяца назад, утром 17 июля, Синчин сделал традиционные звонки по своим «точкам» и узнал, что рядом со Стоунхенджем обнаружен автомобиль Дэна Келли. В полицию позвонил местный коммерсант. Выехав из Солсбери ранним утром 16 июля, он увидел возле Стоунхенджа одинокий серый «вокхолл». В машине никого не было. А на следующее утро, возвращаясь из поездки, вновь застал ту же картину...

Коммерсант сообщил номер брошенного автомобиля – и констебль Типлер тут же открыл папку с материалами о недавнем происшествии в каменном комплексе древних друидов. Он, конечно же, помнил, что Дэн Келли приезжал в Солсбери именно на сером «вокхолле». А спустя несколько минут он уже звонил в Уолсолл. И выяснил у встревоженной жены Дэна, что тот уехал из дому пятнадцатого – и до сих пор не вернулся.

Журналист рассказал констеблю, что встречался с Келли в тот день, что они побывали в больнице, посидели в кафе, а потом Келли вроде бы отправился назад, в Уолсолл. Но выходило, что Келли почему-то не уехал дальше Стоунхенджа, хотя совсем необязательно было ехать в Уолсолл через Стоунхендж. Оставил машину – и ушел. И журналист догадывался, куда именно направился Келли. Но что было потом? Куда он подевался?

Рыжеусый констебль хмурился и потирал затылок, а Синчин чувствовал себя блаухаундом, взявшим след невиданного зверя. Это был не заяц, не лисица, не волк – это был монстр, способный бог весть на что...

21 июля газеты, радио и телевидение разнесли по всему свету исторические слова Нейла Армстронга, произнесенные на поверхности Луны: «Этот маленький шаг одного человека – огромный скачок всего человечества».

Марк Синчин уже слышал эти слова раньше, 15 июля. В больнице. От неизвестной женщины, найденной среди камней Стоунхенджа Дэном Келли. От нее же он слышал отдельные фразы из состоявшегося 21 июля телефонного разговора президента США с астронавтами Армстронгом и Олдрином. Никсон звонил из Овального кабинета Белого дома, и этот разговор тоже стал достоянием средств массовой информации. Правда, насчет «оплакивания», разумеется, не было произнесено ни слова...

Синчин не находил себе места до четверга, с ужасом ожидая, что «Аполлон-11» потерпит катастрофу или на обратном пути от Луны, или при посадке – и вот тогда-то и прозвучат те скорбные слова. Но спускаемый отсек космического корабля благополучно плюхнулся в океан, и вскоре астронавты уже были на борту авианосца «Хорнет». Нет, не зря та незнакомка говорила, что «все хорошо»...

А несколькими днями раньше возвращения «Аполлона-11» Синчин узнал, что автомобиль сенатора Эдварда Кеннеди, младшего брата убитого президента США, свалился с моста в воду на острове Чаппакуиддик. «Мыс Кеннеди... Вверх... Кеннеди вниз... В воду... Вместе с Мэри...» Сам сенатор не пострадал, а вот его спутница, Мэри Джо Копечне, – погибла...

И если еще можно было, дав полную волю фантазии, предположить, что незнакомка из Стоунхенджа имела какое-то отношение к американской лунной программе и сама сочинила как афоризм Армстронга (ясно было, что эта фраза не родилась у него спонтанно, уже на Луне), так и приветственную речь президента Никсона, – то чем объяснить предсказанный инцидент с сенатором Кеннеди? Тем, что она была причастна к заранее спланированной акции? (Потому компания агентов 007 и доставила ее быстренько из Америки прямо в Стоунхендж?) Или ее

слова были бредом, порождением пораженного болезнью сознания, случайно предугадавшим действительность?

Марк Синчин не верил в такие случайности.

«Вспышка – появление женщины – предсказания будущего» – вот такая цепочка возникла в голове журналиста.

Все началось со вспышки – с некоего аномального явления...

И что ему было делать с этой цепочкой? Официальная наука не занималась аномальными явлениями. Можно было написать статью – на всю полосу местной «Кроникл». Можно было пристроить этот материал в какое-нибудь крупное лондонское издание, Синчин имел кое-какие связи в столице. Но что такое статья, пусть даже сенсационная статья? Появление неизвестной женщины с поврежденной психикой, предсказания, исчезновение торговца дамским бельем... Мало ли было подобных сенсационных статей, мало ли было таких сенсаций-однодневок? В озере Лох-Несс обитает чудовище! И что, кто-то ищет это чудовище? Кеннет Арнольд увидел девять «летающих тарелок»! Пошумели в прессе – на том все дело и кончилось. «Джек Пружинки-на-пятках» – призрачный гигант, с легкостью перемахивавший через высокие стены, появлялся в различных местах Англии на протяжении чуть ли не семи десятков лет... Кто-то изучал этот феномен?

Официальная наука отметала все, что не вписывалось в господствующую парадигму. А с различными «загадочными явлениями» возились любители, энтузиасты.

Марку Синчину тоже доводилось заниматься «загадочными явлениями», и он был знаком с единомышленниками. В конце июля он написал подробный отчет о «случае в Стоунхендже», упомянув и афоризм Армстронга, и сенатора Кеннеди, и Чаттанугу, и неведомую девочку Чанго с большим кроликом, и отправил его по почте в Лондон, в «Общество Бен-Макдуй».

Был у него и другой адрес: Лондон, министерство авиации, комната 801 – там находился общebritанский центр по сбору и обработке сообщений о неопознанных летающих объектах. О существовании такого центра было официально объявлено еще двенадцать лет назад, в 1957 году. Однако Синчин очень сомневался в том, что к этой истории причастны «летающие тарелки». А вот работающая на общественных началах организация «Общество Бен-Макдуй» занималась не только изучением сообщений о НЛО, но и вообще всякими загадочными историями. Своим названием она была обязана горе Бен-Макдуй в Шотландии. Гора считалась местом, где происходят всякие паранормальные явления.

После отправки отчета в эту организацию Синчин еще дважды, в компании констебля Типлера, общался с потерпевшей. Впрочем, вряд ли это можно было назвать общением. Физическое состояние больной улучшалось – рассасывались гематомы и срастались сломанные ребра, а вот психика была далека от кондиций, и никакого прогресса в этом плане не наблюдалось. Обследовавший больную врач-психиатр рекомендовал перевести ее в психиатрическую клинику. Женщина по-прежнему не могла назвать свое имя, а тем более пролить свет на обстоятельства, в силу которых она очутилась в Стоунхендже. И, судя по всему, не отдавала себе отчета в том, где находится. Хотя она и реагировала на окружающее, но реакции ее далеко не всегда были адекватными. Синчин и Типлер, действуя чуть ли не методом «тыка», перебирали имена, географические названия, недавние более-менее значительные события, происшедшие в мире, – но если женщина и отвечала на эти хаотичные наскоки, то ответы ее можно было толковать по-разному. Если вообще можно было как-то толковать. Она словно жила в каком-то своем мире, и мир этот имел очень мало точек соприкосновения с реальностью.

Дэн Келли не объявлялся. Синчин дал показания тому же Типлеру, а потом ему пришлось общаться с женой Келли, приехавшей в Солсбери для того, чтобы выяснить обстоятельства исчезновения мужа и забрать автомобиль. Она нагрязнула вместе с сыном, она плакала и выпрашивала у Синчина все подробности их последней беседы. Она узнала, какое именно отношение имеет ее муж к незнакомке из Стоунхенджа и начала высказывать совершенно неле-

тые предположения... Марку Синчину, как и констеблю Типлеру, было нелегко с ней, они не могли сказать ничего обнадеживающего... Хотя нет-нет да и рисовалась репортеру такая картинка: потерявший память Дэн Келли лежит на больничной койке где-нибудь в Чаттануге, а то и вовсе в глухом сибирском селе, где под окнами бродят свирепые белые медведи, а все болезни лечат не лекарствами, а исключительно русской водкой...

К середине августа незнакомка окончательно оправилась от телесных недугов, и был решен вопрос о ее переводе в Лондон, в психиатрическую лечебницу, и содержания там за муниципальные средства до установления личности и выяснения обстоятельств дела.

А 26 августа в редакцию «Кроникл» позвонили из «Общества Бен-Макдуй» и огорошили Синчина новостью: его отчетом заинтересовалось... Агентство национальной безопасности США! Репортер чуть не проглотил свою ручку и, кое-как выйдя из ступорозного состояния, задал резонный вопрос: каким образом о его отчете стало известно за океаном? Ну, понятно, «атлантическое партнерство», НАТО и все такое, – но неужели даже такого рода переписка контролируется Дядей Сэмом? Ему объяснили, что представитель «Общества Бен-Макдуй» участвовал в состоявшейся за океаном конференции уфологов и в своем выступлении использовал материалы Синчина. И вот буквально час назад им позвонил сотрудник АНБ и попросил номера телефонов Синчина – рабочего и домашнего...

Звонка из Америки Синчин дождался уже дома, перед полночью. К тому времени он успел навести кое-какие справки об этой заокеанской государственной структуре. Агентство национальной безопасности особенно себя не афишировало, и данных о его функционировании репортеру удалось раздобыть совсем немного. С Центральным разведывательным управлением или Федеральным бюро расследований было бы на сей счет гораздо проще. Агенство, созданное в 1952 году, являлось самой крупной и засекреченной спецслужбой США и занималось радиоэлектронной разведкой и контрразведкой. Его называли «Большим Ухом Америки», а еще расшифровывали его аббревиатуру как «Агентство, Которого Нет»⁸. Главное, что выяснил Синчин об интересующем его направлении деятельности «Большого Уха», было следующее: оно оснащено по последнему слову техники и, по некоторым данным, какое-то время проводило обширные исследования феномена НЛО.

Сотрудник АНБ Деннис ван Маарен был готов в самое ближайшее время прибыть в Солсбери для встречи с Марком Синчином и обсуждения происшествия в Стоунхендже. Он, оказывается, уже знал, что потерпевшую отправили в Лондон, и что попытки общения с ней могут стать напрасной тратой времени. Заокеанского собеседника интересовали все детали случившегося и записи Синчина. Как выяснилось, он знал и об исчезновении Дэна Келли, хотя журналист не упоминал об этом в своем отчете.

Синчин не имел ничего против такой встречи, даже наоборот. Американец мог кое-что прояснить в этой загадочной истории. История явно была необычной, коль привлекла внимание такой более чем серьезной организации. На то, несомненно, у американцев имелись свои основания. Правда, учитывая специфику АНБ, репортер не рассчитывал на полную откровенность ван Маарена, – но все-таки... Узнать хоть что-то...

И вот теперь американец сидел рядом с ним в машине. Они уже подъезжали к небольшому ресторану, расположенному в двух кварталах от делового центра Солсбери.

Многословием американец себя не утруждал – смотрел в окно и иногда кивал, слушая рассказ журналиста об истории города. Синчин решил не лезть к гостю с вопросами, предоставить тому инициативу, хотя профессиональное репортерское любопытство так и рвалось с привязи.

– Приехали, – сказал он, тормозя у тротуара. – Здесь при Генрихе Восьмом была, говорят, отменная харчевня. В шестнадцатом веке. И традиции сохранились, мистер ван Маарен.

⁸ «No Such Agency» вместо National Security Agency (англ.).

– Лучшая традиция – ломать традиции, – изрек американец, забирая с заднего сиденья свой портфель. – Хотя к старой доброй Англии это не подходит.

...Яичница и салат из креветок были уже съедены, а пива еще оставалось достаточно. Синчин и ван Маарен сидели в отдельной кабинке, и американец, отставив бокал, изучал записи журналиста. Предварительно внимательно выслушав его рассказ. Хотя, как оказалось, у сотрудника АНБ была с собой и копия отчета, направленного журналистом в «Бен-Макдуй».

Закончив читать, Деннис ван Маарен откинулся на спинку стула, расстегнув пиджак и приспустив узел галстука. И принялся старательно рассматривать свое пиво, будто именно в этом темном напитке и скрывалась истина, вопреки мнению древних, считавших, что истина – в вине.

– И что вы скажете? – Журналистское любопытство Синчина все-таки сорвалось с цепи.

– А вы?

– Ну... – Марк пожал плечами. – Есть у меня кое-какие предположения. Я занимался вашим «Элдриджем»...

– Знаю, – прервал его ван Маарен. – Я читал этот материал. И другие тоже.

«Ого! – подумал Синчин. – Большущее же, однако, ухо у Агентства, Которого Нет...»

– Вот и расскажите о ваших соображениях по этому поводу, мистер Синчин, – продолжал американец. – Даже если какие-то из них вы сами считаете слишком... м-м... невероятными.

– Полагаю, что вы знаете гораздо больше меня, – уклончиво сказал журналист. – Возможно, уже сталкивались с чем-то подобным. И составили свое мнение на этот счет. Зачем же вам выслушивать мои невероятные гипотезы, если вы знаете, что дело обстоит совсем не так?

– У нас нет определенного мнения на этот счет, мистер Синчин. Мы не знаем, почему эта женщина располагает сведениями, какими она располагать никак не может. Никак. Ни при каких условиях. Она не имела и не имеет никакого отношения ни к деятельности НАСА, ни к аппарату Белого дома.

«Ого! – вновь подумал Синчин. – Они уже успели раздобыть ее фотографию и произвести тщательную сверку?... Вот это оперативность, вот это размах!»

– Вы имеете в виду слова Армстронга и вашего президента? – спросил он. – А как насчет ясновидения? Нострадамус в свое время...

– Почему она оказалась именно здесь? – вновь прервал Синчина американец. – Почему она говорила именно об «Аполлоне», а не о русской «Луне-пятнадцать»?

Советская автоматическая станция была запущена 13 июля, и разбилась при посадке на Луну 21 июля, когда американцы были уже там.

– Как раз в тот момент по радио повторяли пресс-конференцию с астронавтами, – пояснил Марк, – вот, видимо, что-то у нее и сработало. Но там и какие-то заскоки, не имеющие отношения... – Синчин кивнул на свои записи. – Обратили внимание? Девочка... Кролик... Сломанная кнопка. В отчете я этого не писал.

– Да, не писали, – подтвердил ван Маарен. – И прочитал я именно здесь. – Он нагнулся к столу и постучал пальцем по раскрытому блокноту Марка. – Только что. И все это имеет отношение, мистер Синчин. Очень даже имеет.

– И какое же? – осторожно спросил журналист, с трудом сдерживая любопытство.

Американец некоторое время молча смотрел на него, потом взял блокнот и вновь откинулся на спинку стула.

– Хорошо, я скажу. Но не советую публиковать мои высказывания в вашей «Кроникл» или где-нибудь еще. И вообще говорить о них. Не советую, мистер Синчин.

Марк Синчин прожил на свете достаточно для того, чтобы научиться правильно понимать кое-какие нюансы.

– Я имею привычку следовать разумным советам, мистер ван Маарен, – сдержанно сказал он. – Так как давно заметил, что это очень облегчает жизнь.

Американец коротко кивнул и поднес блокнот к глазам.

– «Девочка Чанго встретит вас», – прочитал он. – Это из переговоров Хьюстона с «Аполлоном», мистер Синчин. Уже на лунной орбите, за восемь часов до посадки в Море Спокойствия. Хьюстон сказал, что, по древней легенде, на Луне вот уже четыре тысячи лет живет китайская девочка по имени Чанго. Она стащила пилюлю бессмертия у своего хозяина-даоса, и тот ее за это вытурил на Луну. А вместе с ней там китайский кролик, он всегда стоит на задних лапках в тени корицы.

– Вот дьявол... – пробормотал Синчин. – Не слышал такой легенды. Значит, эта женщина и переговоры Хьюстона слуша...

– Не только.

Видимо, прерывать собеседника было фирменным стилем ван Маарена.

Он вновь перевел взгляд в блокнот Синчина.

– «Девочка Чанго нарядится Санта-Клаусом». Знаете, что такое Санта-Клаус, мистер Синчин?

– Кто такой, – машинально поправил американца журналист. – Известно кто: житель Лапландии, с густой белой бородой...

– «Санта-Клаус» – это кодовое словосочетание, – негромко, но отчетливо произнес ван Маарен. – Которое наши астронавты используют в ходе полетов. – Он сделал паузу и еще тише добавил: – Для обозначения наблюдений НЛО.

Журналист, потеряв дар речи, открыл и закрыл рот. Нашарил бокал с пивом, отхлебнул.

«Это же сенсация», – хотел сказать он, но вспомнил о совете ван Маарена и произнес другое:

– Значит, они там что-то видели? Там, на Луне?

Американец закрыл блокнот и положил его на стол, рядом с копией отчета Синчина.

– Мне не хотелось бы углубляться в эту тему, мистер Синчин. Думаю, я сказал достаточно много. Это очень интересная женщина, мистер Синчин. Возможно, здесь и вправду вполне уместно сравнение с Нострадамусом. Вопрос остается прежним: как, при каких обстоятельствах она очутилась в Стоунхендже? И откуда она там взялась?

Марк Синчин движением робота вновь взял бокал и сделал несколько глотков, не чувствуя вкуса напитка. Мысли у него в голове сталкивались и разбегались, как толпа на площади, застигнутая бомбежкой.

– По-моему, никто ее туда не принес, не привез и не сбросил на монгольфьере, – наконец сказал он. – По-моему, здесь мы имеем дело с перемещением через какое-то другое измерение. Как говорят фантасты: телепортация.

– Вы считаете, что дело здесь именно в телепортации? – спросил ванн Маарен.

– Во всяком случае, такая гипотеза имеет под собой кое-какие материальные основания. Есть факты, я в этом убедился.

Американец прищурился:

– Вы имеете в виду Филадельфийский эксперимент?

– Он самый, «Элдридж»... Я ведь в своей статье ничего не перепутал?

– Не могу дать однозначного ответа, – сказал ван Маарен и, помолчав, слегка прихлопнул ладонью по столу. – Хорошо. Допустим, телепортация. Но где она раздобыла такую информацию?

– Если вы уверены, что она непричастна ни к НАСА, ни к Белому дому, то остается, по-моему, только одно объяснение: предвидение будущего. То, о чем я говорил.

– Ну, да, все тот же Нострадамус, – кивнул американец. – Ветхозаветные пророки. Сны египетского фараона, растолкованные Иосифом. Но это все слухи и пересказы... Меня убедило бы только следующее: прорицатель выступает по радио, телевидению, в газете – и делает свои

предсказания. Дядюшка Хо⁹ умрет третьего сентября. Или даже просто – этой осенью. Зимой пол-Таиланда сметет цунами. В семьдесят втором на Рим свалится метеорит. В семьдесят третьем будет совершено покушение на шведского короля. В семьдесят четвертом прилетят марсиане, а в семьдесят пятом рухнет Эйфелева башня, найдут Атлантиду и Брежнев поссорится с Кастро. Или пусть даже ничего публично не заявляет – пусть запишет свои предсказания в присутствии комиссии, а потом их положат в сейф и проверяют каждый год: что сбылось, а что нет. Вот тогда я буду окончательно уверен, что это не совпадение, а действительно предвидение будущего.

– В таком случае, и мой материал не может быть стопроцентным доказательством, – заметил Синчин. – Отчет-то я писал уже после событий, и записи в блокноте не датированы. И свидетелей нет.

– Мы думали об этом, – сказал ван Маарен. – Вы не могли знать о Санта-Клаусе и сломанной кнопке. Именно поэтому ваш отчет нас очень заинтересовал.

– А что это за сломанная кнопка?

– В лунной кабине, – пояснил ван Маарен. – Пришлось при старте с Луны тыкать шариковой ручкой. Выходит, эта женщина действительно заглянула в будущее, когда эти детали уже обнародовали.

– Красный Гор, – сказал журналист. – Это тоже какой-то код?

– Не знаю. Нужно будет проконсультироваться. – Американец потер массивную челюсть. – Итак, ясновидение... Можно принять за рабочую гипотезу. Вернемся к ее появлению в Стоунхендже. Насколько мне известно, никаких экспериментов, подобных Филадельфийскому, нигде в мире не проводилось. Ни в июне, ни в июле. Хотя мы не можем быть уверенными на сто процентов насчет Китая и Северной Кореи. Но она не азиатка, а американка... Келли видел вспышку.

«Да-да, вспышка, – подумал Синчин. – Именно вспышка. Все началось со вспышки».

– При исчезновении «Элдриджа» тоже была вспышка, – сказал он. – Правда, при исчезновении, а не при появлении. Кстати, в Стоунхендже не раз наблюдали свечение над камнями.

– Я знаю, – сказал американец. – Допустим, есть определенные зоны, где может произойти пробой пространства. Некий объект доставил эту женщину в Стоунхендж, причем ее предварительно парализовали, отсюда ее поза. А Келли застал отлет НЛО. То есть не отлет в обычном смысле, а исчезновение, подобно «Элдриджу». Пробой, вспышка – и все. Возможно, ее плачевное состояние – результат психического воздействия НЛО, такие случаи известны.

– Значит, ее похитили маленькие зеленые человечки. Запихнули ей в голову всякие сведения о будущем, которое для них, естественно, секретом не является, и доставили в Стоунхендж.

– Во всяком случае, такие предположения высказываются. О том, что инопланетяне существуют в ином пространстве-времени, в котором наше будущее является прошлым. – Ван Маарен взглянул на журналиста и добавил: – Я имею в виду отнюдь не фантастические романы. Впрочем, есть объяснение и попроще, если такое определение применимо в данном случае: они каким-то образом воздействовали на ее психику и инициировали латентную способность к ясновидению. Может быть, это произошло неумышленно.

– Вот у вас все и сложилось, мистер ван Маарен, – сказал Синчин. – Жительницу Чаттануги похитили инопланетяне, провели обследование, попутно инициировали способности к ясновидению и вынесли за борт своей «тарелки» в Стоунхендже. А одежду ее на память себе оставили.

Американец хмуро молчал и с силой потирал нижнюю челюсть.

– Слушайте! – вступил журналист. – А если попробовать регрессивный гипноз?

⁹ Хо Ши Мин – основатель и первый президент Социалистической Республики Вьетнам.

Ван Маарен оставил свою челюсть в покое, хмыкнул и ответил:

– Весьма ненадежный способ извлечения подавленных воспоминаний. Если вас под гипнозом спросят, что с вами делали инопланетяне – которых на самом деле не было, – то вы, вероятнее всего, сможете просто придумать «память» о том, чего не происходило... Тем не менее, мистер Синчин, мы уже попробовали.

Журналист воспринял это заявление почти как должное – сколько же можно было удивляться оперативности и возможностям заокеанской спецслужбы...

– Поскольку вы сейчас со мной беседуете, – сказал он, – то результат, надо полагать, оказался неутешительным.

– Именно так, мистер Синчин, – подтвердил американец.

– Что, никакой реакции?

– С ней работали пять психиатров. Пять! – Ван Маарен для наглядности поднял руку и показал пятерню. – Независимо друг от друга. И заключение у каждого из них одинаковое: там стоит очень прочная блокировка. С такой блокировкой им работать не приходилось.

– Значит, зеленые человечки квалифицированнее наших специалистов, – резюмировал журналист. – И что дальше?

– Будем держать под наблюдением и повторять попытки. Есть надежда, что со временем блокировка ослабнет. Правда, есть и другая проблема...

– Ее психическое состо...

– Да, – в очередной раз рубанул топором ван Маарен, отсекая фразу Синчина. – Пока релевантность очень низкая. Нулевая.

– То есть?

– То есть мы атакуем ее вопросами о НАСА и сенаторе Кеннеди, а в ответ получаем обрывок фразы о каких-то ассемблерах. Или о черепе в белом тумане. Или вообще ничего не получаем. Будем работать... если не случится психического коллапса.

– Есть такие опасения?

Американец едва заметно кивнул:

– Увы, есть.

– Собственно, чего вам опасаться? Возможно, это прозвучит цинично, но ее состояние должно быть вам только на руку: она не сможет никому выдать никаких тайн, если они у нее есть, и повредить вашей национальной безопасности.

– Мы не знаем, единственный ли это случай, мистер Синчин. И какими секретами владеют другие. И в каком они состоянии.

– И где находятся, – подхватил журналист. – Не в подвалах ли КГБ... Или у Кастро. Представляю, что было бы, если бы она появилась лет на десять раньше и предсказала сооружение берлинской стены или убийство Кеннеди... – Журналист запнулся, теперь уже не из-за американца. – Вы предложили мне высказывать все что угодно... А как вам такая версия? Она просто прибыла из будущего. Вот и все.

Ван Маарен некоторое время молча смотрел на журналиста, а потом ответил:

– Вероятно, на вас, англичан, крепко повлиял ваш Уэллс с «Машиной времени». Фантастика сама по себе штука интересная, но вряд ли стоит руководствоваться ею на практике.

– А другой наш соотечественник писал: «В земле и небе более сокрыто, чем снилось нашей мудрости, Горацио», – парировал Синчин.

Американец слабо улыбнулся:

– Ну, если начать оперировать цитатами... На любого Шекспира найдется свой Уитмен, а на Байрона – Верхарн. «Природа – сфинкс. И тем она верней своим искусом губит человека, что, может статься, никакой от века загадки нет и не было у ней». Тютчев, русский ответ Шекспиру. Нет никаких загадок.

Журналист с уважением посмотрел на ван Маарена. Сотрудники Агентства национальной безопасности, судя по всему, были людьми весьма образованными. Во всяком случае, сам Синчин впервые слышал и эти строки, и саму фамилию русского поэта.

– В дискуссию я вступать не буду, – сказал он. – Но вы же сами просили выдавать самые невероятные гипотезы. Вот я и выдал. И она все объясняет.

– Что ж, именно фантазия, способность к творческому воображению и выделяет нас среди других животных, – задумчиво изрек Деннис ван Маарен. – Возможно, и мы сами – чья-то фантазия...

Марк Синчин вздохнул:

– Эх, жаль, читатели «Кроникл» ничего не узнают...

– А вы напишите роман, – посоветовал американец. – Фантастический роман, с другими именами и местом действия. Только не сейчас, а лет этак через пять – семь.

– А что? – загорелся журналист. – Почему бы и не потеснить Уэллса?... «Новые испытания машины времени»... Или нет: «Унесенные ветром времени»!

– «Унесенные ветром» – это очень оригинально, – с иронией заметил ван Маарен.

...Утром 4 сентября, слушая по радио сообщение о том, что накануне скончался вьетнамский лидер Хо Ши Мин, Марк Синчин вспомнил слова сотрудника Агентства национальной безопасности: «Меня убедило бы, если бы прорицатель точно предсказал, что дядюшка Хо умрет третьего сентября».

Деннис ван Маарен тоже оказался прорицателем.

Журналист отставил чашку с недопитым кофе и подумал, что обязательно напишет роман.

Но не успел.

8 сентября потерявший управление грузовик протаранил на одном из перекрестков Солсбери «рено» Марка Синчина. Журналист ушел в мир иной в карете «скорой помощи», которая везла его в больницу...

7

– Господи, ничего не пожалел бы сейчас ради бутылки пива и доброго куска ветчины! – с чувством воскликнул Леопольд Каталински и, состроив гримасу, с размаху впечатал в стол тубу с концентратом. – Ну, почему я, болван этакий, не догадался прихватить с собой хоть немного ветчины?

– Все равно ты бы ее уже давно слопал, – с улыбкой заметила сидящая напротив Флоренс Рок. – И, согласись, все-таки это, – она кивнула на прилипшую к крышке стола белую, с веселенькими красными узорчиками тубу, – гораздо лучше, чем питательные растворы внутривенно. Три раза в сутки.

– Не вижу особой разницы, – пробурчал Каталински. – Пусть мне пиво качают внутривенно.

– С ветчиной! – фыркнул Алекс Батлер.

– А по-моему, на провиант грех жаловаться, – возразил Свен Торнссон и извлек из держателя очередную тубу. – Вы согласны, командир?

Эдвард Маклайн, отрешенно потягивавший лимонный напиток, пожал плечами.

– Сдается мне, что наш дражайший Лео просто-напросто отлежал себе зад в усыпальнице и теперь брюзжит почем зря. – Сделав очередной неторопливый глоток, он назидательно поднял палец, немного помолчал и философски добавил с соответствующей мудростью во взоре: – Ветчина, уважаемый Лео, далеко не самое лучшее из того, что существует в этом мире.

– Совершенно верно, – с серьезным видом кивнул Батлер. – Разве может сравниться какая-то там несчастная ветчина, даже в совокупности хоть и с дюжиной бутылок пива, с хорошо прожаренной индейкой, этим чудесным продуктом, ради которого, собственно, Господь и затеял всю эту возню с созданием Вселенной?

– Остряки-самоучки! – проворчал Каталински. – Да ну вас всех!

Он махнул рукой, но губы его невольно растянулись в улыбке, и мгновение спустя смеялись уже все сидящие за столом. Все пять членов экипажа межпланетного космического корабля «Арго», с каждой секундой все ближе и ближе подлетающего к Марсу.

Впервые за многие месяцы все астронавты собрались вместе. До этого трое из них, усыпленные вскоре после начала перелета по маршруту Земля – Марс, коротали время в специальном отсеке, который они называли «усыпальницей». Замедление метаболизма на длительный период существенно сокращало расход продуктов питания и нагрузку на регенераторы воздуха. Что имело немаловажное значение в столь продолжительном рейсе. Да и чем занимались бы все эти месяцы пилот марсианского модуля Свен Торнссон, ареолог¹⁰ Алекс Батлер и инженер Леопольд Каталински?

Другое дело – командир. Командиру просто не положено вот так безмятежно спать во время полета. К тому же он выполнял и обязанности бортинженера, за время предполетной подготовки освоив эту специальность. Анализ оперативной обстановки, сверка курса, связь с Землей, профилактические, а при необходимости и мелкие ремонтные работы... Забот и хлопот было выше головы, и Эдвард Маклайн за эти месяцы изрядно похудел (хотя и так был сухощав), несмотря на тщательно подобранный рацион и оптимальный, по мнению специалистов, режим питания. И это при том, что полет обслуживало более сотни работников ЦУПа¹¹ – они были земным экипажем «Арго», и от их умения и смекалки во многом зависело успешное осуществление небывалой еще в истории космонавтики миссии.

¹⁰ Специалист по Марсу.

¹¹ Центр управления полетами в Хьюстоне, США.

Не приходилось скучать и нанотехнологу Флоренс Рок, дававшей все новые и новые задания нанокomпьютеру, – и без устали трудились миниатюрные ассемблеры-сборщики и репликаторы-копировщики, перестраивая системы корабля и тем самым наирациональнейшим образом приспособливая их к условиям полета. Первого полета к Марсу не автоматического космического аппарата, которых немало было уже запущено к Красной планете, а межпланетного корабля с экипажем на борту.

Экипаж подбирался долго и тщательно. В сито строжайшего отбора попали многие первоклассные специалисты – впрочем, даже и не подозревавшие о цели этого отбора. Круг претендентов все сужался и сужался (на одном из этапов выбыл и муж Флоренс, Саймон Рок, тоже великолепный нанотехнолог, – у него были проблемы с сердцем) – и в конце концов на последние сборы в штате Юта, в пустыне, где был уже давно смоделирован ландшафт Красной планеты, прибыли пятеро. Те, кто сейчас приближался к Марсу на космическом корабле «Арго».

Они разместились на базе, затерянной в просторах пустыни, и готовились к полету бок о бок, но знали друг о друге не так уж и много.

Командир-бортинженер, сорокалетний Эдвард Маклайн, был профессиональным военным летчиком и астронавтом. Узнав, что он родом из Южной Каролины, из Колумбии, Флоренс Рок невольно вспомнила о другой «Колумбии» – шаттле, разбившемся при посадке в две тысячи третьем, вслед за «Челленджером». Вспомнила – но, конечно, ничего не сказала, хотя почудилось ей в этом что-то недоброе, зловещее. Командир был подтянут и строен, как и положено командиру, виски его покрывал легкий налет седины, а лицо походило на выбитые в скале знаменитые барельефы американских президентов¹². Он не отличался многословием, но Флоренс все-таки выведала, что он женат, и есть у него двенадцатилетний сын Марк. Протянулась между командиром и нанотехнологом невидимая ниточка, и с каждым днем, проведенным вместе, становилась все прочнее, разрастаясь, превращаясь в паутину... Для Флоренс это началось еще до базы, на предварительном этапе, и она невольно прислушивалась к своим чувствам, и долго не могла заснуть по ночам...

Глядя на Флоренс Рок, нанотехнолога, невысокую гибкую блондинку, просто нельзя было не обратить внимание на ее бирюзовые, с уклоном не в зелень, а в синеву глаза, на удивление очаровательные и заманчивые. Флоренс было двадцать семь, она вместе с мужем работала в Хьюстоне и давно уже находилась в сфере деятельности НАСА. Без нанотехнологий дальние космические полеты с экипажем представлялись весьма проблематичными. Флоренс дала согласие после долгих раздумий и колебаний – в первую очередь, из-за шестилетней дочки Мэгги, и все долгие месяцы после старта ее не покидала непонятная, совершенно, казалось бы, беспричинная тревога – ведь полет проходил довольно гладко, «Арго» пронзал космический вакуум, как горячий нож масло. Но тревога оставалась, притаившись где-то в глубине...

Алекс Батлер, тридцатисемилетний шатен среднего роста, бредил Красной планетой с детства, когда впервые увидел сделанные «Викингами» снимки марсианской поверхности. И все последующие годы упорно шел к осуществлению своей мечты – собственными ногами пройти по пескам и камням иного мира, тлеющим угольком заглядывавшего с ночного неба в его окно. Алекс был одним из ведущих ареологов, и дома его ничего не держало – пятнадцатилетняя дочка жила вместе с его бывшей женой и желания видаться с ним, судя по всему, не имела. Временами Алекс был склонен к философствованию, случались минуты – не самые лучшие, – когда он брал гитару и пел старые песни, хотя голосом поп-звезды Создатель его не наделил. Привез он гитару и на базу в пустыне, а вот на «Арго» пришлось обходиться без нее...

Свен Торнссон, потомок викингов и уроженец Восточного побережья, куда в седые времена плавали его воинственные пращуры, еще с середины девяностых годов участвовал в разработке пилотируемых спускаемых аппаратов, предназначенных для посадки на Марс, – хотя

¹² Памятник Д. Вашингтону, Т. Джефферсону, А. Линкольну и Т. Рузвельту на горе Рашмор в Южной Дакоте, США.

было ему всего тридцать пять. Он не сомневался в том, что именно ему суждено пилотировать спускаемый модуль в Первой марсианской экспедиции, однако претендентов на эту роль оказалось более чем достаточно, и Торнссону пришлось изрядно попотеть, утверждая свой приоритет. Свен выглядел как настоящий викинг – он был высок, широкоплеч, светловолос, обладал завидной реакцией и не менее завидным хладнокровием, женой пока не обзавелся – и не собирался, по его словам, менять статус холостяка в обозримом будущем. Несмотря на это, дефицита женского внимания он не испытывал и то и дело менял подружек.

Пятый член экипажа «Арго», многопрофильный инженер, «мультиинженер» Леопольд Каталински, в отличие от пилота, за свои тридцать шесть лет успел трижды жениться и трижды развестись, и ни в одном браке не нажил сына или дочери. Этот невысокий лысеющий крепыш с постоянно блестящими черными «итальянскими» глазами и кустистыми бровями слыл универсалом уже не первый год. Его ценили, потакали всем его капризам, но какая-то врожденная неудовлетворенность заставляла его одну за другой менять компании, обслуживающие Национальное аэрокосмическое агентство. Несмотря на все профессиональные достоинства, его кандидатура долго находилась под вопросом, потому что инженер был довольно вспыльчив, мог вдрызг разругаться с кем угодно из-за сущего пустяка – и это, конечно же, представляло угрозу нормальному психологическому климату в коллективе Первой марсианской. Однако Леопольду очень хотелось побывать на Марсе – не в последнюю очередь ради неслыханного вознаграждения, ожидавшего всех участников миссии в случае успешного выполнения основной задачи. Поэтому он, не раздумывая ни мгновения, согласился пройти длительный курс психокоррекции. Целая команда психологов потрудились на славу, и скверные черты характера Леопольда больше как будто бы не давали о себе знать. Психологи заверили руководителей полета, что это надолго – если не навсегда.

Уже во время подготовки на базе в южной части Юты Алекс Батлер полушутя предложил коллегам выбрать себе имена из имен тех легендарных древнегреческих героев, которые, согласно мифам, некогда пустились в долгий путь к берегам Колхиды на легком «Арго», названном так в честь искусного Арга, строителя дивного корабля. Себя ареолог возжелал именовать Орфеем – у фракийского певца была золотая семиструнная кифара, у Алекса – гитара; инструменты, в принципе, родственные. Правда, заметил ареолог, если Орфей своим пением и музыкой заставлял танцевать даже камни и зачаровывал животных и растения, не говоря уже о людях, то когда играл и пел он, Алекс, его поддерживала лаем только соседская собака. Да и то не совсем ясно, был ли этот лай как-то связан с его музицированием и вокалом.

Командиру, несомненно, подходило только одно имя – Ясон. (Ареолог не знал, что Флоренс еще до его предложения мысленно называла Маклайна именно так.)

Сложнее оказалось с Каталински. Он перебирал в электронной энциклопедии и отвергал одно имя за другим, пока наконец с большим сомнением не остановился на имени одного из сыновей бога северного ветра Борея – аргонавта Зета. Инженер-универсал мотивировал свой выбор тем, что родился в Форт-Нормане, на севере Канады, куда судьба когда-то занесла его предков, поляков-переселенцев, – а там частенько гуляли холодные ветры.

Свен Торнссон к идее с аргонавтами отнесся отрицательно. Он заявил, что если уж брать чье-то имя, то не каких-то там древнегреческих авантюристов, а славного Тора Громовика, старинного скандинавского бога, сильного одинокого воина, разящего врагов своим единственным оружием – громадным молотом.

«Вот он, мой молот! – Свен продемонстрировал свой внушительный кулачище. – В молодые годы он меня никогда не подводил, да и сейчас проломит череп любому марсианскому чудовищу. Он – Тор, я – Торнссон, улавливаете?»

А вообще, добавил пилот, его еще в университете называли выразительно и солидно: Столб.

И не нашлось имени для Флоренс Рок, потому что на борту древнегреческого «Арго» до прибытия в царство Ээта не было женщин. Медея, дочь царя страны Эа – Колхиды, – оказалась на корабле только на обратном пути, но называться Медеей нанотехнолог не желала. (А Леопольд Каталински как-то раз в своей обычной манере пробурчал, что женщина на корабле – не к добру. Даже если этот корабль – космический.)

Идея Алекса как-то сама собой заглохла, однако название их космического корабля все-таки вольно или невольно напоминало им о героях Эллады. Только у аргонавтов из древнегреческих мифов был не такой далекий путь, в который пустились они, новые аргонавты, путешественники XXI века...

Хотя Алекс Батлер и очень желал побывать на Марсе, он имел свой взгляд на освоение космоса. В этом деле люди изначально пошли не тем путем, считал он. Человек не может обходиться без воздуха – и вынужден создавать воздушную среду на орбитальных станциях и в космических кораблях. Человек не может долго находиться в условиях повышенной радиации – и вынужден отгораживаться от нее защитными экранами. Атмосфера Марса почти полностью состоит из углекислого газа, там холодно, как в Антарктиде, и участникам экспедиции придется расхаживать по поверхности Красной планеты в теплых комбинезонах, с баллонами, наполненными дыхательной смесью. Уровень радиации там чуть ли не как в Хиросиме после атомного взрыва, – и на базе им по пять раз в день делали инъекции дорогостоящего антирада, уникального препарата, которого пока и произведено-то было всего ничего. Он защитит организм года на два, – а надо, чтобы такая защита была на всю жизнь! Люди перемещаются в космических просторах, укрывшись в коробках своих кораблей и станций, потому что космос несовместим с функционированием человеческого организма. Без скафандров, баллонов и защитных экранов человек в вакууме, при почти абсолютном нуле, очень быстро погибнет.

Батлер видел два других пути. Либо искать гипотетические, вернее даже, фантастические подпространственные тоннели и буквально в один миг переноситься с планеты на планету, – либо менять самого человека. Создавать совершенно новую расу, которая могла бы чувствовать себя в космосе так же свободно, как птицы в небе, не нуждаясь в воздухе и тепле, не боясь космических излучений. Которая могла бы странствовать по Солнечной системе на открытых яхтах с солнечными парусами...

К сожалению, ни того, ни другого пути еще не только не было – не было даже намека на возможность их существования. Не в фантастических романах и кинопродукции Голливуда, а в реальной жизни. В реальной жизни был оснащенный ядерными двигателями космический корабль «Арго» с защитными экранами, были плотные комбинезоны и баллоны с дыхательной смесью для работы на Марсе. И Батлеру приходилось мириться с реальностью.

Неторопливая трапеза в одном из отсеков космического корабля «Арго» наконец завершилась. Все насытились, и даже Каталински больше не ворчал и не вспоминал о пиве и ветчине. Флоренс направилась в соседний отсек к своим наносистемам. Верзила Торнссон принялся в тысячный раз (если начинать отсчет с подготовки на земном полигоне) изучать на дисплее узлы спускаемого аппарата, моделировать возможные повреждения и отрабатывать методы их устранения. Спускаемый аппарат еще предстояло с помощью все той же нанотехнологии довести до ума после перехода «Арго» на ареоцентрическую орбиту. Пока модуль чуть ли не наполовину существовал только в виртуальном виде. Каталински удалился в свою крохотную каюту, предусмотрительно созданную заботами Флоренс (точнее, ее наносистем), заявив перед уходом, что после обеда его клонит в сон. Словно он не провел во сне несколько месяцев полета! Батлер рассматривал картинки, передаваемые телекамерами внешнего обзора. На картинках царил совершенно неземная чернота, и в этой завораживающей глубокой черноте, не мигая, горели неисчислимые и тоже какие-то «неземные» холодные звезды...

А командир экипажа Эдвард Маклайн остался сидеть в кресле, откатив его от стола по направляющим рейкам. Он сцепил руки на животе, широко расставил ноги в ботинках на маг-

нитных подошвах и закрыл глаза, откинувшись на высокую спинку кресла. Не то чтобы ему тоже хотелось спать, – он просто отдыхал, и ему было приятно, что он здесь не один. Потому что очень скоро ему предстояло остаться в полном одиночестве на орбите в ожидании остальных. Которым, в отличие от него, выпала почти невероятная возможность побывать на поверхности Марса. Что ж, если все пройдет успешно, он постарается заключить новый контракт, но теперь уже возьмет на себя обязанности не командира экипажа, а пилота марсианского модуля. (А командиром пусть будет Джонатан Грей, его дублер.) И оставит-таки свои следы на рыжем песке! Не наследит, а именно – оставит след...

До соседа Земли по Солнечной системе, извечно красным стоп-сигналом горящего на земном небосводе, оставались всего лишь сутки полета.

В отличие от давно ставшей достоянием истории лунной программы, с триумфом воплощенной в реальность полетами легендарных уже «Аполлонов», нынешняя марсианская программа отнюдь не афишировалась. Напротив, она хранилась в строжайшем секрете. Конечно, при современных средствах обнаружения и слежения было просто невозможно незаметно произвести запуск космического аппарата с мыса Канаверал. О дате запуска было заранее объявлено. Объявлено было и о том, что очередная межпланетная станция предназначена для дальнейшего исследования Марса. Вся эта информация вполне, в общем-то, соответствовала действительности. Кроме одного штришка. Новый предназначенный для полета на Марс аппарат не был *автоматической* космической станцией «Арго», а был *пилотируемым* космическим кораблем «Арго».

Такая вот разница.

В работе над программой «Арго» участвовали сотни людей. В такой ситуации, конечно же, было очень трудно, а скорее всего, просто невозможно избежать утечки информации. Тем более что речь шла не о Советском Союзе конца пятидесятых годов прошлого столетия, когда в обстановке строжайшей секретности велась подготовка к полету космического корабля «Восток-1» с человеком на борту, а о Соединенных Штатах Америки конца первого десятилетия XXI века. Где любая тайна, пусть даже в искаженном или неполном виде, непременно получала огласку в средствах массовой информации. Пронырам-журналистам было официально сообщено, что «Арго» – не обычная космическая станция типа «Одиссея» или «Марс Экспресс», а внушительных размеров корабль со всеми системами жизнеобеспечения астронавтов. Только в этот полет он отправится без экипажа. Точнее, экипажем его будут увешанные датчиками манекены. И если странствие по маршруту Земля – Марс – Земля пройдет нормально, то следующий полет «Арго» совершит уже не с куклами, а с людьми. Однако произойти это может никак не раньше чем через пять-шесть лет, при условии бесперебойного и более чем солидного финансирования как из государственного бюджета, так и частными компаниями.

Более того, журналистам устроили экскурсию в сборочный цех, где они смогли своими глазами увидеть и едва-едва начинавший приобретать проектные очертания межпланетный корабль, и те самые манекены.

Восхищенным журналистам было невдомек, что сборка настоящего «Арго» производится совсем в другом месте, под землей, на территории, подконтрольной Пентагону. И люди, там работающие, не проболтаются ни при каких обстоятельствах.

В случае успешного выполнения задачи Первой марсианской экспедиции «Арго» должен был совершить еще несколько якобы беспилотных полетов. Официально было бы объявлено, что обнаружено много недоработок, не позволяющих направлять на Марс астронавтов, и нужно продолжать испытания корабля в беспилотном режиме.

Программу «Арго» являли миру в плотной оболочке из недомолвок и откровенной лжи. Потому что руководствовались принципом, провозглашенным чуть ли не полтысячелетия тому назад основателем печально известного ордена иезуитов Игнатием Лойолой: цель оправдывает средства...

А цель программы «Арго» была очень заманчивой.

Конечным пунктом Первой марсианской (не считая, естественно, возвращения на Землю) была равнинная область Кидония, расположенная в северном полушарии Красной планеты. Та самая пустынная область Кидония, сфотографированная еще в 1976 году с высоты полутора тысяч километров космической станцией «Викинг-1». Та самая Кидония, которая известна своими странными объектами, похожими на изъеденные временем гигантские искусственные сооружения.

«Лицо», или «Марсианский Сфинкс»... «Пирамида Д и М»... «Город»... «Форт»... «Купол»...

Эти названия в свое время взбудоражили воображение землян, дав почву множеству предположений, породив лавину газетных и журнальных статей и пересудов в электронных СМИ, став предметом научно- и ненаучно-популярных книг, фантастических романов и фильмов.

«Когда я смотрю на весь комплекс Кидонии, на то, как расположены все эти структуры, – говорил тогда, в семидесятые годы прошлого века, английский ученый Крис О’Кейн из «Проекта Марс», – у меня возникает ощущение, что они просто не могут не быть искусственными. Иначе я не понимаю, как могла случайно возникнуть столь сложная система выстраивания по прямым линиям».

И командир Маклайн, и все другие члены экипажа «Арго» знали это высказывание О’Кейна. Знали они и о том, что многие из структур Кидонии являются нефракталами. То есть, когда контуры этих объектов были сканированы, компьютеры определили, что они скорее искусственные, чем природные. Компьютеры были самые новейшие для того времени, они успешно использовались в военном деле для точного определения замаскированных танков и артиллерийских орудий на фотографиях воздушной разведки.

«Таким образом, – подытоживал Крис О’Кейн, – мы имеем невероятный набор аномалий. Они расположены по некоему плану, входят в состав различных групп и нефрактальны. Это весьма необычно...»

Да, сделанные «Викингом-1» фотографии произвели настоящую сенсацию, вызвав бурю эмоций и споров. Эдвард Маклайн был тогда еще ребенком, и перипетии космических исследований не входили в круг его мальчишеских интересов. Он гонял шайбу в одной из детских команд Колумбии, читал комиксы про Бэтмена и мечтал стать военным летчиком, как и его отец, вернувшийся контуженным, но живым из Вьетнама. И еще он мечтал отомстить этим азиатам за отца. Промчаться на истребителе над Ханоем и дать хороший ракетный залп... О полете «Викинга» он узнал уже потом, через несколько лет, когда вспороли земное небо первые шаттлы. В 1981-м полеты «челноков» на околоземную орбиту начала та самая «Колумбия», которой суждено было потерпеть катастрофу при снижении в первый день февраля 2003-го...

Но самую возможность своего теперешнего полета к Марсу Эдвард Маклайн с гораздо большим основанием мог бы связать не с «Викингом», а с другой космической станцией. Запущенной намного позже «Викинга», в сентябре 1992 года.

«Марс Обсервер» добирался до Красной планеты в течение без малого одиннадцати месяцев, а потом...

А потом появился пресс-релиз НАСА:

«Вечером в субботу 21 августа была потеряна связь с космическим кораблем «Марс Обсервер», когда он находился в трех днях полета от Марса. Инженеры и руководители полета из Лаборатории реактивного движения НАСА в Пасадене, штат Калифорния, задействовали резервные команды, чтобы включить передатчик космического корабля и сориентировать его антенны на Землю. Начиная с 11 часов утра восточного поясного времени воскресенья 22 августа станции слежения, расположенные по всему земному шару, не получали ни одного сигнала с космического корабля».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.